

НОВАЯ ПОЛЬША 3/1999

Содержание

1. „Пан Тадеуш“ Анджея Вайды
2. "Пан Тадеуш", особый взгляд
3. Почему я перевел „Пана Тадеуша“
4. Молодой Мицкевич
5. Нацизм и коммунизм – В равной ли мере преступны?
6. Различие
7. Молитва через поступки
8. Свобода негодяев
9. Ценные польские уроки
10. Америка Европы
11. Экономика или пансион?
12. Взрывчатая смесь
13. Пугало либерализа
14. Хроника (некоторых) текущих событий
15. Стихотворения
16. Поэт времен осады
17. Заточенные в аду
18. Обзор литературной периодики
19. Хроника культурной жизни
20. Еще о Бунине

Валерий Мастеров

„Пан Тадеуш“ Анджея Вайды

Валерий Мастеров

,ПАН ТАДЕУШ” АНДЖЕЯ ВАЙДЫ

Валерий Мастеров, собственный корреспондент газеты „Московские новости” в Варшаве. Ниже помещаем фотографию с дарственной надписью Анджея Вайды для Валерия Мастерова.

ПОЛЬСКОЕ КИНО ПЕРЕЖИВАЕТ ФЕНОМЕН: ЗРИТЕЛЬ ВАЛИТ НА ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ФИЛЬМЫ

Уходящий год уже вошел в историю польской кинематографии весьма незаурядным по нынешним временам достижением: два знаменитых режиссера Ежи Гофман и Анджей Вайда вернули в кинотеатры зрителей отечественных фильмов. Экранизировав „Огнем и мечом”, неутомимый романтик польского кино Ежи Гофман завершил „дело своей жизни” - перенес на экран, хотя и не поочередно, всю трилогию Генрика Сенкевича. Трехчасовую киноэпопею, которая более полугода не сходит с экранов, посмотрели уже почти восемь миллионов зрителей. Еще более внушительные цифры предрекает перенесенная на экран Анджеем Вайдой жемчужина польской литературы - поэма Адама Мицкевича „Пан Тадеуш”. За месяц после премьеры с ее киноверсией познакомились три миллиона зрителей (фильм в 99 копиях идет в 138 кинотеатрах!), а еще во время съемок этого грандиозного кинополотна его собирался посмотреть каждый второй из опрошенных поляков.

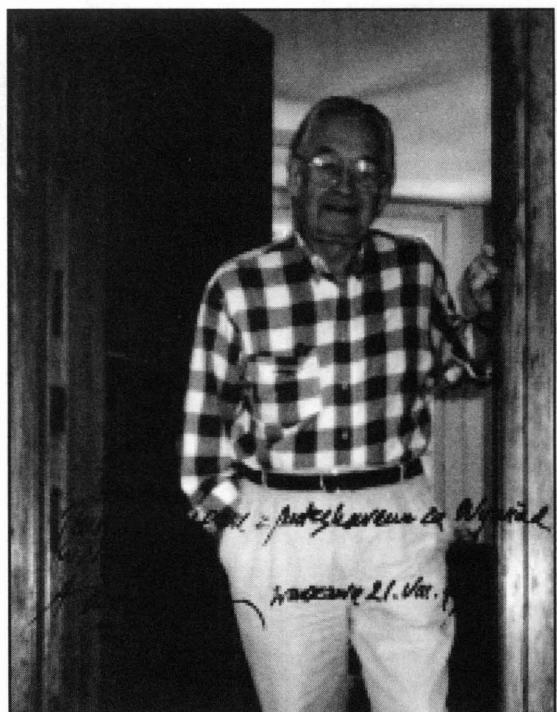
В течение одного года Ежи Гофман пустил на дно „Титаник”, а Анджей Вайда одержал победу в „Звездных войнах”.

СЦЕНАРИСТ МИЦКЕВИЧ

Мне не приходилось еще бывать на просмотрах для журналистов и критики, когда во время сеанса эта старающаяся сдерживать

эмоции публика несколько раз аплодирует, а заключительные титры приветствует с увлажненными глазами стоя и рукоплеская. Именно так было за 157 минут демонстрации „Пана Тадеуша”. На следующий день польские газеты и журналы, словно перебивая друг друга, взахлеб рассказывали о новой работе знаменитого режиссера, который четыре года назад изумил всех заявлением о своем прощании с кино, с горечью признав, что потерял дорогу к зрителям. И вдруг невероятный успех, о котором закричали заголовки рецензий: „Триумф Вайды и Мицкевича”, „Анджей Вайда сотворил чудо”, „Самая ожидаемая и самая важная премьера в истории польского кино”, „Пан Тадеуш” оказался в надежных руках”...

Для поляка „Пан Тадеуш” примерно то же самое, что для русского „Евгений Онегин”.

“ПАН ТАДЕУШ”, ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД.

Среди многочисленных рецензий на новый фильм Анджея Вайды выделяется весьма отличный от них голос Веслава Кота, прозвучавший со страниц еженедельника “ВПРОСТ”. Автор отмечает тот факт, что наша “архинациональная поэма” “Пан Тадеуш” Мицкевича не сразу обратила на себя внимание соотечественников, (первые три тысячи экземпляров тиража, изданные в 1834 году были проданы лишь спустя 10 лет) которых занимало тогда нечто совсем иное, а вовсе не “чтение старых баек”; уж если они что и читали, то скорей произведения Бальзака.

Сегодня Вайда выступил с без малого трехчасовой репликой на “архипоэму”, напоминающей этакую благостную патриотическую открытку. (...) Фильм - читаем в рецензии - с самого начала носил характер “предприятия национального масштаба”

Признаюсь, сравнение взято на подмогу умышленно, чтобы сразу представить, как говорится, что к чему. К „энциклопедии польской жизни“ Анджей Вайда примеривался несколько лет, считая ее экранизацию „самым трудным и ответственным заданием“. Принимаясь за постановку, он как бы сразу обозначил отправную точку: „Адам Мицкевич, которого извели политические ссоры соотечественников, их ненависть, вечная польская несостоятельность, в эмиграции написал великолепный „сценарий“, передав в стихах актуальную и сегодня мысль, иронию и горечь“. Вайда сразу отбросил возможность телесериала и стал делать фильм для большого экрана: картина в кинотеатре, по его мнению, приобретает общественный резонанс. И как видим, не ошибся. Наверное, Вайда прав и когда говорит, что если бы он взялся за „Пана Тадеуша“ пять лет назад, то разминулся бы со зрителем, который тогда еще не насытился залившими экран американскими фильмами.

Проблем было много. Важнейшая заключалась в озвучании - ведь „шедевр словесной живописи“ полон архаических выражений и оборотов. Вайда решает, что герои будут говорить словами Мицкевича.

Большие хлопоты были у костюмеров. Историческую одежду искали по всей Европе. Обращались даже на „Мосфильм“ - в надежде оснастить роту егерей реквизитом от „Войны и мира“. Увы, ничего не сохранилось. Сорок комплектов удалось найти на складе в Австрии. Остальных господ актеров и массовку пришлось одевать с иголочки.

ЗОСЮ ИСКАЛИ ПО ФОТОРОБОТУ

С выбором актеров Вайда, что называется, попал в „яблочко“. Будто отвечая своему собственному постулату о средстве для хорошего фильма: „Просто надо найти на отдельные роли соответствующих актеров, а уж тот подходящий актер сам поймет, почему я его выбрал именно на эту роль“. Звездный ряд исполнителей настолько ответил ожиданиям режиссера, что критика теперь не может прийти к одному мнению: а кто же все-таки сыграл лучше? Богуслав Линда (ксендз Робак), Даниэль Ольбрыйский (Гервазы), Анджей Северин (Судья), Марек Кондрат (Граф)... Про многих теперь пишут, что они сыграли лучшие роли в своей жизни, которые станут живой иллюстрацией к классической поэме. А разве можно представить теперь другую Телимену, эту перенявшую чужеземные манеры „московскую метрессу“, как назвал ее лирик-интеллигент прошлого века Циприан Камиль Норвид, чем ту, которую на экране представила с упоением Гражина Шаполовская? Ни один из актеров не отверг предложения режиссера принять участие в экранизации. В этом фильме хотел сыграть каждый. Знаменитый Анджей

Лапицкий в восторге от того, что появляется на четыре секунды в скромной роли приходского священника.

Попадание действительно было точным с первого раза. Исключением оказался детективный поиск исполнительницы на роль Зоси. Был объявлен всепольский розыск этого „символа невинности и простоты”. С помощью специалистов из Центральной криминалистической лаборатории Главной комендатуры полиции по характеристике Мицкевича составили и опубликовали в газетах фотографии геройни. В Варшаву со всей Польши стали съезжаться на пробы девушки от 15 до 20 лет. „Девочку с несегодняшней наружностью” - 15-летнюю Алицию Бахледу-Цурусь - Анджей Вайды выбрал из 1700 претенденток.

КОГДА ЦАРЬ НЕ ПОЗВОЛЯЛ

Как исполнитель роли понимающего поляков благородного капитана Рыкова („Царь так приказывает, а я вас жалею...“) Сергей Шакуров также войдет теперь в знаменитый ряд „живых иллюстраций” экранизации поэтического шедевра. Между прочим, Анджей Вайды в восторге от того, как Мицкевич подает исторический конфликт между Россией и Польшей: в двух персонажах - благородном капитане Рыкове, который любит поляков, хотя „царь не позволяет”, и обрусовшем продажном майоре Плуте, готовом унизить каждого, показана вся российская империя - от нуля до бесконечности.

Сергей Шакуров, приехавший на премьеру в Варшаву, охотно рассказывает о работе над ролью капитана Рыкова:

- Мне не пришлось долго адаптироваться: со многими польскими актерами, например, с Богушлавом Линдой и Даниэлем Ольбрыхским, я уже был знаком и ранее, а драться и управляться с конем приходилось на съемках не раз - хотя бы в „Эскадроне“ Юлиуша Махульского. Сложность была в одном: рабочим был язык Мицкевича. И хотя я заранее получил кассету с медленно наговоренным текстом на старопольском, пришлось пару недель поталдычить, вызывая удивление окружающих. Но участие в этом фильме и в такой команде доставило мне огромную радость. Анджеем Вайдой я просто восхищен: поднять такой сложный поэтический материал и с честью с ним справиться. Его заслуга во всем - в том, как замечательно и с удовольствием играют артисты, каким грандиозным стал изобразительный ряд и ставшая сразу популярной музыка. На съемках у меня было такое ощущение, будто только он один понимал, что же должно в конце получиться. Остальные, как мне кажется, больше работали интуитивно и каждый в силу своего мастерства и таланта шел вслед за великим мастером. Под его оком, как кто-то удачно заметил, хорошо сыграли даже аист и тень на полу. Как

и это обеспечило ему уже в процессе реализации неслыханную популярность. Но при сопоставлении фильма с поэтическим оригиналом, бросается в глаза, что картина не выдерживает сравнения со словом.

“У Мицкевича повествование катится быстро и бесшумно. Хотя поэт прибегает к длинному тринадцатисложному стиху, одна строка содержит у него три-четыре информации. Это так, как если бы в фильме каждые 5-10 секунд менялись бы формы показа. Вместо этого мы видим замедленный панорамный прием, да еще с чтецами за кадром, которым помогает рассказчик. Эта затянутая болтовня создает ощущение, что мы смотрим инсценировку телевизионного театра, к тому же часто с выгороженной сценой. (...) Если отвлечься от высокого искусства поэзии, суть нашей национальной эпопеи - это банальный роман почтенного дурачка недоучки, да локальный бунт в исполнении ограниченных и безответственных рубак - склочников и пьяниц. Ни

одногозывающего
восхищения действа, и лишь
несколько достойных
уважения фигур.

Впрочем, к таким
выводам мы пришли сами.
Вайды представляет “Пана
Тадеуша” благостной,
почти бесконфликтной
идиллией (хотя не
должен). Музыка Войчеха
Киляра тоже
концентрирует
патриотические ресурсы.

(...) Почему Вайды
1999 года не должен был
видеть в поэме идиллию?
Да потому что “Пан
Тадеуш” - это истинный
шедевр. Поэму, конечно,
можно читать испытывая
патриотическую
потребность, а значит, не
слишком вникая, скользя по
верхам. Но можно читать
ее вдумчиво и тогда
окажется, что там все
отнюдь не бесспорно. (...)
А Вайде этой поэмой
хочется подбодрить
земляков, возвысить их,
потрепать по плечу, но
никак не раздражать, не
переосмысливать их
хорошее о себе мнение.
Даже более того: он
защищает “Пана Тадеуша”
от Мицкевича и хочет,

настоящий сын своего отечества, Анджей Вайды делал фильм с огромной любовью к своей родине.

ЗНАМЕНАТЕЛЬ БЕРДЯЕВА

Кажется, что Сергей Шакуров ощутил как раз то главное, что определило успех у польских зрителей, которые получили ответ на волнующий особенно сегодня вопрос о корнях и своем происхождении: откуда мы пришли и кем являемся? Критика подчеркивает, что Вайды воскресил польскую душу и давно забытое понятие патриотизма, показал сильные стороны народа и его слабости, создал образ ностальгии и надежды. Сразу же после первого просмотра Гражина Шаполовская поделилась с журналистами своими впечатлениями на этот счет: „Теперь за границей, отвечая на вопрос о своей стране, можно говорить, что Польша - это Анджей Вайды и „Пан Тадеуш”. Это фильм - о наших недостатках, ссорах, страстиах, любви. Посмотрите его и поймете нашу ментальность, узнаете о нас все”.

Мне очень хотелось в груде восхищенных рецензий на фильм „Пан Тадеуш” найти некий общий знаменатель, который бы объяснил не столько воскрешенные Вайдой мысли, иронию и горечь Мицкевича, вдруг ставшие необыкновенно актуальными, а сам феномен успеха экранизации. В одном из интервью еще накануне премьеры сам Анджей Вайды как бы уже его чувствует и заранее объясняет: „Сейчас „Пан Тадеуш” из общественно-политического сочинения превратился для нас в произведение экзистенциальное. Каждый человек хочет знать, откуда он пришел, кто его родители, кем были родители родителей. Мне будет легче принимать важные жизненные решения, если я буду знать из какой культуры и среды я вышел”. И все-таки, пусть не покажется странным, нашел я то, что искал, - у русского философа Николая Бердяева. В очерке „Русская и польская душа”, включенном в московское издание 1918 года, Николай Бердяев писал: „Польский народ, обнаруживший так мало способностей к государственному строительству, обладающий чертами индивидуалистическими и анархическими, оказался духовно сильным и несокрушимым. И нет в мире народа, который обладал бы таким напряженным национальным чувством”. Вот именно: „напряженное национальное чувство” было востребовано у польского зрителя и удовлетворено показанным на экране.

ТАДЕУШ ПРОТИВ ЕВГЕНИЯ

Надеяться на то, что в России при возможном выходе на экран „Пана Тадеуша” все бросятся в кинотеатры, чтобы сравнить экранизацию с оригиналом, вряд ли стоит. Чтобы ни говорить - это не про наших почти родненьких Евгения Онегина и Татьяну Ларину. Ведь и в самой Польше в школьном

списке обязательной литературы поэма Адама Мицкевича о последнем набеге на Литву считается скучой неимоверной. Отчасти, может быть, потому, что в учебниках она преподносится довольно заурядно, как „шляхетская эпопея”, „идеализация прошлого”, „критика национальных недостатков”. Правда, в Польше можно услышать и прочитать о Мицкевиче нечто, сказал бы, гордо-причастное: „Мы из него вышли”. Вроде того, как все русские писатели „вышли из „Шинели” Гоголя”. С той только разницей (замечу в скобках), что язык Гоголя мог не только до Киева довести, а и до современной Москвы. Чего не скажешь об архаизмах Мицкевича. Хотя известны несколько идиом из „Пана Тадеуша”, которые украшают сегодняшнюю речь не начитанных, а воспитанных на слуху поляков, да и то скорее в ироническом тоне.

И все-таки: одно дело - кирпич школьной хрестоматии, а другое - самостоятельное возвращение к первоисточнику, на что очень надеется и Анджей Вайда, чье имя и так притягивает, словно магнит. Публика пойдет на Вайду. И не ошибется.

ВОПРЕКИ МИЛОШУ

Анджей Вайда готовился к премьере очень тщательно и с трудно сдерживаемым волнением. История польского кино зафиксировала два подхода к переносу поэмы Мицкевича на экран. О первой попытке в 1919 году известно только то, что после тысячи метров отснятой пленки съемки по неизвестным причинам были прекращены. О второй попытке тоже говорят как о фиаско, хотя фильм был закончен. Более того, насколько известно, его премьера состоялась в 1928 году, в десятую годовщину независимости Польши, в присутствии маршала Пилсудского и президента Мосцицкого. Но сказать о его художественных достоинствах нечего: живые, но немые образы перебивались долгими фрагментами поэмы, что трудно было вынести. Хотя недавно показанные по телевидению сохранившиеся материалы подтвердили, что визуальный ряд был осуществлен с большой культурой.

За послевоенные же годы никто не дерзнул взяться за экranizацию „Пана Тадеуша”, как теперь говорят - культового произведения польской литературы. Того самого произведения, которое впервые появилось в Париже в 1834 году, а его три тысячи экземпляров книгопродавец не мог продать в течение десяти лет. Таких примеров, правда, хоть отбавляй. Жорж Бизе не мог пережить провала „Кармен”, которую теперь во всех энциклопедиях называют „вершиной французской реалистической оперы”. Сомневаться не приходится, что Вайда знал не только это. Но что тут говорить, если такой авторитет, как Нобелевский лауреат Чеслав Милош отговаривал его браться за это дело. Но от своей идеи Вайда отступить уже не

чтобы мы читали поэму как благочестивая тетка учительница польского. С этой целью, например, он выхолащивает из своего повествования секс. (...) Фильм ретуширует и образы шляхты: на экране мы видим, хотя и глуповатых, но добряков. Мицкевич тут куда как радикальнее. (...) Повествование в фильме порой увязает там, где в поэме следуют отступления. Мицкевичевские “описания природы”, которые детишки из поколения в поколение зазубривают наизусть, делая вид, что они “захвачены ими” полняются феерией ассоциаций, круговоротом образов, деталей, красок, которые едва вмещаются в тринадцатисложный стих. Что правда, то правда, несравненный польский язык этих описаний крайне трудно перенести на пленку. (...) В написанном “Пане Тадеуше” растения растут, разрастаются, зелень густеет, ширится, бабочки порхают над ней, а в фильме вместо этого - статичная картинка

*неподвижной камеры —
открытка с
сельскохозяйственной
ярмарки.*

Рецензия Кота, по сути дела, исключение в потоке хвалебных отзывов о фильме Вайды; это попытка взглянуть на новую работу польского мастера без экзальтации, с оттенком иронии, дистанцируясь. Ее полемический запал, хотя и не всегда достаточно обоснованный, ценен как живительное дуновенье и способствует тому, чтобы хоть кто-то из зрителей задумался не только над тем, что он увидел на экране, но и над тем, что когда-то, еще в школе, прочел.

Составил Л.Ш.

мог. И его энергия передалась каждому из собранных им 150 таких же фанатиков, составивших киногруппу, уверенную в том, что в польском кино еще можно создать что-то серьезное, что вернет зрителя в кинотеатры.

ОТВЕТИЛ СЕРДЦЕМ

...Уже был известен день торжественной премьеры „Пана Тадеуша” в Большом театре. Мы сидим с Анджеем Вайдой за столом в уютном дворике одноэтажного дома в Варшаве. Режиссер старается нешаблонно отвечать на вопросы международной анкеты „Московских новостей” с говорящим названием „Рубеж веков”. Работа затягивается, потому что после каждого вопроса возникает дискуссия. Жена и соратник Вайды Кристина Захватович беспокоится, что тает мороженое и остывает кофе. Но где там... Ведь речь то и дело заходит о кино и „Пане Тадеуше”, который, понятное дело, не выходит у режиссера из головы:

- Не будет однородного, сшитого по одной мерке кино. Не будет полной победы американского кино и заокеанского стиля развлекательных фильмов, что нам казалось предрешенным еще недавно. Сохранится кино проблемное, в полном смысле - художественное. Кино, что видно прежде всего по европейским странам, все более подчеркивает национальное своеобразие. В этом году польские фильмы неожиданно вытеснили с экранов 40 процентов американских картин. Конечно, возвращать зрителей на польские фильмы начал Ежи Гофман. Но и другие наши режиссеры имеют к этому отношение.

Вайда еще не смел прогнозировать „Пана Тадеуша”, но уже жил преддверием премьеры: „Судить, безусловно, зрителю. Из двенадцати книг поэмы я взял только часть. Но это мой выбор, за который я отвечаю головой”.

Отвечать же пришлось сердцем, которое подвело в самый неожиданный момент. Срочная госпитализация. Неотложная операция. Шунтирование. Слава Богу, все окончилось благополучно. Но главный праздник состоялся без главного виновника торжества.

* * *

Польское киноначальство уже поспешило выдвинуть „Пана Тадеуша” кандидатом на голливудского „Оскара”. Сам Вайда напомнил, что никогда не делал фильмы с мыслью об иностранной публике, а всегда работал для польского зрителя. Польская эйфория может и не передаться Американской киноакадемии. Но как заметил Юлиуш Махульский: „Даже если „Пан Тадеуш” не получит „Оскара”, ничего не изменится. Анджей Вайда и так останется великим”.

"Пан Тадеуш", особый взгляд

“ПАН ТАДЕУШ”, ОСОБЫЙ ВЗГЛЯД.

Среди многочисленных рецензий на новый фильм Анджея Вайды выделяется весьма отличный от них голос Веслава Кота, прозвучавший со страниц еженедельника “ВПРОСТ”. Автор отмечает тот факт, что наша “архинациональная поэма” “Пан Тадеуш” Мицкевича не сразу обратила на себя внимание соотечественников, (первые три тысячи экземпляров тиража, изданные в 1834 году были проданы лишь спустя 10 лет) которых занимало тогда нечто совсем иное, а вовсе не “чтение старых баек”; уж если они что и читали, то скорей произведения Бальзака.

Сегодня Вайда выступил с без малого трехчасовой репликой на “архиоэму”, напоминающей этакую благостную патриотическую открытку. (...) Фильм - читаем в рецензии - с самого начала носил характер “предприятия национального масштаба”

Признаюсь, сравнение взято на подмогу умышленно, чтобы сразу представить, как говорится, что к чему. К „энциклопедии польской жизни“ Анджей Вайда примеривался несколько лет, считая ее экранизацию „самым трудным и ответственным заданием“. Принимаясь за постановку, он как бы сразу обозначил отправную точку: „Адам Мицкевич, которого извели политические ссоры соотечественников, их ненависть, вечная польская несостоятельность, в эмиграции написал великолепный „сценарий“, передав в стихах актуальную и сегодня мысль, иронию и горечь“. Вайда сразу отбросил возможность телесериала и стал делать фильм для большого экрана: картина в кинотеатре, по его мнению, приобретает общественный резонанс. И как видим, не ошибся. Наверное, Вайда прав и когда говорит, что если бы он взялся за „Пана Тадеуша“ пять лет назад, то разминулся бы со зрителем, который тогда еще не насытился залившими экран американскими фильмами.

Проблем было много. Важнейшая заключалась в озвучании - ведь „шедевр словесной живописи“ полон архаических выражений и оборотов. Вайда решает, что герои будут говорить словами Мицкевича.

Большие хлопоты были у костюмеров. Историческую одежду искали по всей Европе. Обращались даже на „Мосфильм“ - в надежде оснастить роту егерей реквизитом от „Войны и мира“. Увы, ничего не сохранилось. Сорок комплектов удалось найти на складе в Австрии. Остальных господ актеров и массовку пришлось одевать с иголочки.

ЗОСЮ ИСКАЛИ ПО ФОТОРОБОТУ

С выбором актеров Вайда, что называется, попал в „яблочко“. Будто отвечая своему собственному постулату о средстве для хорошего фильма: „Просто надо найти на отдельные роли соответствующих актеров, а уж тот подходящий актер сам поймет, почему я его выбрал именно на эту роль“. Звездный ряд исполнителей настолько ответил ожиданиям режиссера, что критика теперь не может прийти к одному мнению: а кто же все-таки сыграл лучше? Богуслав Линда (ксендз Робак), Даниэль Ольбрыйский (Гервазы), Анджей Северин (Судья), Марек Кондрат (Граф)... Про многих теперь пишут, что они сыграли лучшие роли в своей жизни, которые станут живой иллюстрацией к классической поэме. А разве можно представить теперь другую Телимену, эту перенявшую чужеземные манеры „московскую метрессу“, как назвал ее лирик-интеллигент прошлого века Циприан Камиль Норвид, чем ту, которую на экране представила с упоением Гражина Шаполовская? Ни один из актеров не отверг предложения режиссера принять участие в экранизации. В этом фильме хотел сыграть каждый. Знаменитый Анджей

Лапицкий в восторге от того, что появляется на четыре секунды в скромной роли приходского священника.

Попадание действительно было точным с первого раза. Исключением оказался детективный поиск исполнительницы на роль Зоси. Был объявлен всепольский розыск этого „символа невинности и простоты”. С помощью специалистов из Центральной криминалистической лаборатории Главной комендатуры полиции по характеристике Мицкевича составили и опубликовали в газетах фотографии геройни. В Варшаву со всей Польши стали съезжаться на пробы девушки от 15 до 20 лет. „Девочку с несегодняшней наружностью” - 15-летнюю Алицию Бахледу-Цурусь - Анджей Вайдя выбрал из 1700 претенденток.

КОГДА ЦАРЬ НЕ ПОЗВОЛЯЛ

Как исполнитель роли понимающего поляков благородного капитана Рыкова („Царь так приказывает, а я вас жалею...“) Сергей Шакуров также войдет теперь в знаменитый ряд „живых иллюстраций” экранизации поэтического шедевра. Между прочим, Анджей Вайдя в восторге от того, как Мицкевич подает исторический конфликт между Россией и Польшей: в двух персонажах - благородном капитане Рыкове, который любит поляков, хотя „царь не позволяет”, и обрусовшем продажном майоре Плуте, готовом унизить каждого, показана вся российская империя - от нуля до бесконечности.

Сергей Шакуров, приехавший на премьеру в Варшаву, охотно рассказывает о работе над ролью капитана Рыкова:

- Мне не пришлось долго адаптироваться: со многими польскими актерами, например, с Богушлавом Линдой и Даниэлем Ольбрыхским, я уже был знаком и ранее, а драться и управляться с конем приходилось на съемках не раз - хотя бы в „Эскадроне“ Юлиуша Махульского. Сложность была в одном: рабочим был язык Мицкевича. И хотя я заранее получил кассету с медленно наговоренным текстом на старопольском, пришлось пару недель поталдычить, вызывая удивление окружающих. Но участие в этом фильме и в такой команде доставило мне огромную радость. Анджеем Вайдой я просто восхищен: поднять такой сложный поэтический материал и с честью с ним справиться. Его заслуга во всем - в том, как замечательно и с удовольствием играют артисты, каким грандиозным стал изобразительный ряд и ставшая сразу популярной музыка. На съемках у меня было такое ощущение, будто только он один понимал, что же должно в конце получиться. Остальные, как мне кажется, больше работали интуитивно и каждый в силу своего мастерства и таланта шел вслед за великим мастером. Под его оком, как кто-то удачно заметил, хорошо сыграли даже аист и тень на полу. Как

и это обеспечило ему уже в процессе реализации неслыханную популярность. Но при сопоставлении фильма с поэтическим оригиналом, бросается в глаза, что картина не выдерживает сравнения со словом.

“У Мицкевича повествование катится быстро и бесшумно. Хотя поэт прибегает к длинному тринадцатисложному стиху, одна строка содержит у него три-четыре информации. Это так, как если бы в фильме каждые 5-10 секунд менялись бы формы показа. Вместо этого мы видим замедленный панорамный прием, да еще с чтецами за кадром, которым помогает рассказчик. Эта затянутая болтовня создает ощущение, что мы смотрим инсценировку телевизионного театра, к тому же часто с выгороженной сценой. (...) Если отвлечься от высокого искусства поэзии, суть нашей национальной эпопеи - это банальный роман почтенного дурачка недоучки, да локальный бунт в исполнении ограниченных и безответственных рубак - склочников и пьяниц. Ни

одногозывающего восхищения действа, и лишь несколько достойных уважения фигур.

Впрочем, к таким выводам мы пришли сами. Вайда представляет "Пана Тадеуша" благостной, почти бесконфликтной идиллией (хотя не должен). Музыка Войчеха Киляра также концентрирует патриотические ресурсы.

(...) Почему Вайда 1999 года не должен был видеть в поэме идиллию? Да потому что "Pan Tadeusz" - это истинный шедевр. Поэму, конечно, можно читать испытывая патриотическую потребность, а значит, не слишком вникая, скользя по верхам. Но можно читать ее вдумчиво и тогда окажется, что там все отнюдь не бесспорно. (...) А Вайде этой поэмой хочется подбодрить земляков, возвысить их, потрепать по плечу, но никак не раздражать, не переосмысливать их хорошее о себе мнение. Даже более того: он защищает "Пана Тадеуша" от Мицкевича и хочет,

настоящий сын своего отечества, Анджей Вайда делал фильм с огромной любовью к своей родине.

ЗНАМЕНАТЕЛЬ БЕРДЯЕВА

Кажется, что Сергей Шакуров ощутил как раз то главное, что определило успех у польских зрителей, которые получили ответ на волнующий особенно сегодня вопрос о корнях и своем происхождении: откуда мы пришли и кем являемся? Критика подчеркивает, что Вайда воскресил польскую душу и давно забытое понятие патриотизма, показал сильные стороны народа и его слабости, создал образ ностальгии и надежды. Сразу же после первого просмотра Гражина Шаполовская поделилась с журналистами своими впечатлениями на этот счет: „Теперь за границей, отвечая на вопрос о своей стране, можно говорить, что Польша - это Анджей Вайда и „Pan Tadeusz“. Это фильм - о наших недостатках, ссорах, страстиах, любви. Посмотрите его и поймете нашу ментальность, узнаете о нас все”.

Мне очень хотелось в груде восхищенных рецензий на фильм „Pan Tadeusz“ найти некий общий знаменатель, который бы объяснил не столько воскрешенные Вайдой мысли, иронию и горечь Мицкевича, вдруг ставшие необыкновенно актуальными, а сам феномен успеха экранизации. В одном из интервью еще накануне премьеры сам Анджей Вайда как бы уже его чувствует и заранее объясняет: „Сейчас „Pan Tadeusz“ из общественно-политического сочинения превратился для нас в произведение экзистенциальное. Каждый человек хочет знать, откуда он пришел, кто его родители, кем были родители родителей. Мне будет легче принимать важные жизненные решения, если я буду знать из какой культуры и среды я вышел“. И все-таки, пусть не покажется странным, нашел я то, что искал, - у русского философа Николая Бердяева. В очерке „Русская и польская душа“, включенном в московское издание 1918 года, Николай Бердяев писал: „Польский народ, обнаруживший так мало способностей к государственному строительству, обладающий чертами индивидуалистическими и анархическими, оказался духовно сильным и несокрушимым. И нет в мире народа, который обладал бы таким напряженным национальным чувством“. Вот именно: „напряженное национальное чувство“ было востребовано у польского зрителя и удовлетворено показанным на экране.

ТАДЕУШ ПРОТИВ ЕВГЕНИЯ

Надеяться на то, что в России при возможном выходе на экран „Пана Тадеуша“ все бросятся в кинотеатры, чтобы сравнить экранизацию с оригиналом, вряд ли стоит. Чтобы ни говорить - это не про наших почти родненьких Евгения Онегина и Татьяну Ларину. Ведь и в самой Польше в школьном

списке обязательной литературы поэма Адама Мицкевича о последнем набеге на Литву считается скучой неимоверной. Отчасти, может быть, потому, что в учебниках она преподносится довольно заурядно, как „шляхетская эпопея”, „идеализация прошлого”, „критика национальных недостатков”. Правда, в Польше можно услышать и прочитать о Мицкевиче нечто, сказал бы, гордо-причастное: „Мы из него вышли”. Вроде того, как все русские писатели „вышли из „Шинели” Гоголя”. С той только разницей (замечу в скобках), что язык Гоголя мог не только до Киева довести, а и до современной Москвы. Чего не скажешь об архаизмах Мицкевича. Хотя известны несколько идиом из „Пана Тадеуша”, которые украшают сегодняшнюю речь не начитанных, а воспитанных на слуху поляков, да и то скорее в ироническом тоне.

И все-таки: одно дело - кирпич школьной хрестоматии, а другое - самостоятельное возвращение к первоисточнику, на что очень надеется и Анджей Вайда, чье имя и так притягивает, словно магнит. Публика пойдет на Вайду. И не ошибется.

ВОПРЕКИ МИЛОШУ

Анджей Вайда готовился к премьере очень тщательно и с трудно сдерживаемым волнением. История польского кино зафиксировала два подхода к переносу поэмы Мицкевича на экран. О первой попытке в 1919 году известно только то, что после тысячи метров отснятой пленки съемки по неизвестным причинам были прекращены. О второй попытке тоже говорят как о фиаско, хотя фильм был закончен. Более того, насколько известно, его премьера состоялась в 1928 году, в десятую годовщину независимости Польши, в присутствии маршала Пилсудского и президента Мосцицкого. Но сказать о его художественных достоинствах нечего: живые, но немые образы перебивались долгими фрагментами поэмы, что трудно было вынести. Хотя недавно показанные по телевидению сохранившиеся материалы подтвердили, что визуальный ряд был осуществлен с большой культурой.

За послевоенные же годы никто не дерзнул взяться за экranizацию „Пана Тадеуша”, как теперь говорят - культового произведения польской литературы. Того самого произведения, которое впервые появилось в Париже в 1834 году, а его три тысячи экземпляров книгопродавец не мог продать в течение десяти лет. Таких примеров, правда, хоть отбавляй. Жорж Бизе не мог пережить провала „Кармен”, которую теперь во всех энциклопедиях называют „вершиной французской реалистической оперы”. Сомневаться не приходится, что Вайда знал не только это. Но что тут говорить, если такой авторитет, как Нобелевский лауреат Чеслав Милош отговаривал его браться за это дело. Но от своей идеи Вайда отступить уже не

чтобы мы читали поэму как благочестивая тетка учительница польского. С этой целью, например, он выхолащивает из своего повествования секс. (...) Фильм ретуширует и образы шляхты: на экране мы видим, хотя и глуповатых, но добряков. Мицкевич тут куда как радикальнее. (...) Повествование в фильме порой увязает там, где в поэме следуют отступления. Мицкевичевские “описания природы”, которые детишки из поколения в поколение зазубривают наизусть, делая вид, что они “захвачены ими” полняются феерией ассоциаций, круговоротом образов, деталей, красок, которые едва вмещаются в тринадцатисложный стих. Что правда, то правда, несравненный польский язык этих описаний крайне трудно перенести на пленку. (...) В написанном “Пане Тадеуше” растения растут, разрастаются, зелень густеет, ширится, бабочки порхают над ней, а в фильме вместо этого - статичная картинка

*неподвижной камеры —
открытка с
сельскохозяйственной
ярмарки.*

Рецензия Кота, по сути дела, исключение в потоке хвалебных отзывов о фильме Вайды; это попытка взглянуть на новую работу польского мастера без экзальтации, с оттенком иронии, дистанцируясь. Ее полемический запал, хотя и не всегда достаточно обоснованный, ценен как живительное дуновенье и способствует тому, чтобы хоть кто-то из зрителей задумался не только над тем, что он увидел на экране, но и над тем, что когда-то, еще в школе, прочел.

Составил Л.Ш.

мог. И его энергия передалась каждому из собранных им 150 таких же фанатиков, составивших киногруппу, уверенную в том, что в польском кино еще можно создать что-то серьезное, что вернет зрителя в кинотеатры.

ОТВЕТИЛ СЕРДЦЕМ

...Уже был известен день торжественной премьеры „Пана Тадеуша” в Большом театре. Мы сидим с Анджеем Вайдой за столом в уютном дворике одноэтажного дома в Варшаве. Режиссер старается нешаблонно отвечать на вопросы международной анкеты „Московских новостей” с говорящим названием „Рубеж веков”. Работа затягивается, потому что после каждого вопроса возникает дискуссия. Жена и соратник Вайды Кристина Захватович беспокоится, что тает мороженое и остывает кофе. Но где там... Ведь речь то и дело заходит о кино и „Пане Тадеуше”, который, понятное дело, не выходит у режиссера из головы:

- Не будет однородного, сшитого по одной мерке кино. Не будет полной победы американского кино и заокеанского стиля развлекательных фильмов, что нам казалось предрешенным еще недавно. Сохранится кино проблемное, в полном смысле - художественное. Кино, что видно прежде всего по европейским странам, все более подчеркивает национальное своеобразие. В этом году польские фильмы неожиданно вытеснили с экранов 40 процентов американских картин. Конечно, возвращать зрителей на польские фильмы начал Ежи Гофман. Но и другие наши режиссеры имеют к этому отношение.

Вайда еще не смел прогнозировать „Пана Тадеуша”, но уже жил преддверием премьеры: „Судить, безусловно, зрителю. Из двенадцати книг поэмы я взял только часть. Но это мой выбор, за который я отвечаю головой”.

Отвечать же пришлось сердцем, которое подвело в самый неожиданный момент. Срочная госпитализация. Неотложная операция. Шунтирование. Слава Богу, все окончилось благополучно. Но главный праздник состоялся без главного виновника торжества.

* * *

Польское киноначальство уже поспешило выдвинуть „Пана Тадеуша” кандидатом на голливудского „Оскара”. Сам Вайда напомнил, что никогда не делал фильмы с мыслью об иностранной публике, а всегда работал для польского зрителя. Польская эйфория может и не передаться Американской киноакадемии. Но как заметил Юлиуш Махульский: „Даже если „Пан Тадеуш” не получит „Оскара”, ничего не изменится. Анджей Вайда и так останется великим”.

Святослав Свяцкий

Почему я перевел „Пана Тадеуша“

Святослав Свяцкий

ПОЧЕМУ Я ПЕРЕВЕЛ «ПАНА ТАДЕУША»?

Святослав Павлович Свяцкий - родился в 1931 году в Ленинграде. Там же закончил университет по двум специальностям: германистика и полонистика. Широко известен как переводчик крупнейших польских поэтов: Мицкевича, Словацкого, Милоша и др.

Великая поэма - это неопознанная страна. Не всем она открывается сразу. Я входил в нее постепенно. Тому, кто знает польский язык с детства, все дается проще. Незаметно для себя он проникает в сущность, и сами собой рождаются ориентиры. Ну а если разорваны связи? Если нарушена нить поколений?

Меня с моим дедом-поляком разделяют рубежи двух мировых войн. Он был офицером русской армии, воевал с немцами и австрийцами и лишь позднее, к двадцатым годам, очутился в родной Польше. Там, уже в независимом польском государстве, он продолжал военную службу. По-другому сложилась судьба отца: тот воевал в рядах белой армии против большевиков. Чудом спасся от расстрела, от смерти, совершил побег. Жизнь в советской России он начал как бы в отчуждении от действительности.

Однако генетические связи, пусть с трудом, но восстанавливаются, хотя этот процесс идет порой извилистыми путями. Волей судьбы я очутился между двумя нациями и двумя культурами, где-то на стыке. Это дало мне возможность смотреть на Польшу издалека и в то же время с любовью, ощущать свою причастность ко всему, что там происходит. Деда после войны я в Польше уже не застал, да и не мог застать - он давно умер. Но я нашел

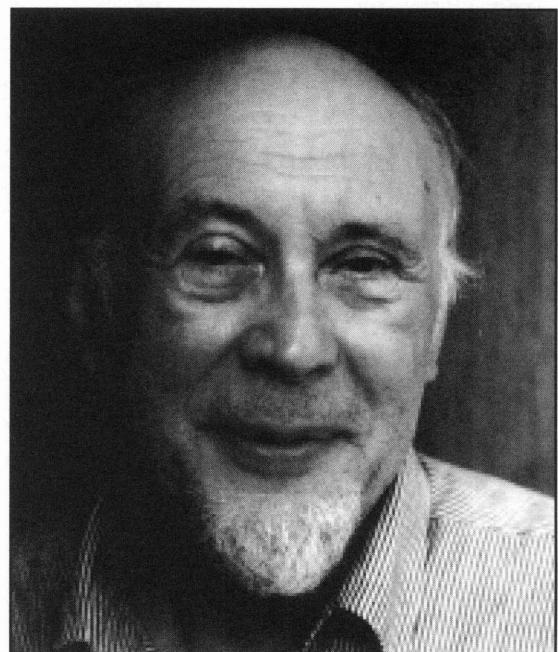

Фото А. Бернат NOWE KSIĄŻKI

там дядю и тетю от второго брака своего деда и немало других родственников.

Это случилось тогда, когда я, в ту пору молодой полонист, посетил в очередной раз Варшаву. Это было для меня важным открытием и сильнейшим переживанием. А ведь я не сразу пришел к решению изучать польский язык. Что меня к этому подтолкнуло? Случай? Или неосознанное до конца внутреннее убеждение? Польское образование в России, в университете, было возвращением к польским корням, но уже на другом витке жизни, ибо одновременно с молоком матери я впитал в себя русские соки.

Будучи филологом, я более всего интересовался польскими переводами. И тут уже мимо «Пана Тадеуша» пройти трудно. Польская стихотворная эпопея! 10.000 строк! Влияние на всю последующую литературу,

прикосновение к самому сердцу нации и т. д. Так говорилось на лекции по истории литературы. Но в сущности - это только фасад, вид издалека, это лишь обещание, окно, сквозь которое брезжит нечто заманчивое. Но это уже тогда, в студенческие годы, невидимая рука нажала на клавишу, и пришел в действие некий сложный механизм, проработавший в моем мозгу не одно десятилетие.

Сначала я стоял в позе восхищения перед этим окошком. Мне казалось, будто я вижу все, что можно увидеть. Потом я понял, что ничего, в сущности, не вижу и ничего не понял. Еще бы! Иначе и быть не могло. Когда полагалось сдать в очередной раз курс польской литературы, я брал в руки русский перевод поэмы, обновлял в памяти сюжет, пробегая глазами краткое содержание поэмы по разделам, которые у Мицкевича называются «книгами». Смутно я чувствовал: передо мной сложнейшая поэтическая постройка, но ее отдельные части, а главное их соотношение и суть ускользали от восприятия. Разумеется, виной была моя безответственность и моя лень, предубеждение против классики. Мне не хотелось читать всерьез, я усваивал знания от случая к случаю.

Но однажды я сказал себе: «Что такое ты, собственно, делаешь? В доме разные издания «Пана Тадеуша», а ты не ознакомился пока настоящему с поэмой (в оригинале)».

А издания были действительно разные. Одно с золотым обрезом, дореволюционное, цензуренное, откуда все самые непочтительные слова про царя были выкинуты, другое, насыщенное комментариями Станислава Пигона, про которое профессор Трояновичева сказала: «Читашь, как роман».

Принявшихся всерьез за «Пана Тадеуша», я не мог оторваться. Я просидел за поэмой всю ночь, я был потрясен, я был вне себя. Позднее, но все-таки прозрение. Оказалось, что поэма заслуживает названия великой не только потому, что она величественна, хотя есть в ней и это, а прежде всего потому, что это произведение о человеческом достоинстве, о долгге, о смысле

жизни, о существовании личности в контексте польской истории. Я был поражен точностью психологической характеристики героев, глубиной мотивации их поступков. Изумлен размахом и сказочной красотой природы, которая существует не вообще, не сама по себе, а беседует с человеком, передает ему свои настроения и как бы сама что-то от него заимствует. К тому же и стих то мягкий и элегический, то мощный и бурный, то насмешливый, наполненный отголосками переживаний... И ничего искусственного, сделанного. Добавим, что увлекателен и сюжет.

Через какое-то время во мне проснулся азарт: сможешь или не сможешь? Ведь уже переведена поэма Юлиуша Словацкого «Беневский», написанная октавами. Правда, «Беневский» раза в три короче. Неужели признаться самому себе в слабости? Я стал внимательно изучать переводы «Пана Тадеуша» на русский язык. Первопроходцем был Н. В. Берг. Некоторые взгляды его показались мне близкими. Вместе с тем кое с чем было трудно согласиться. Он мог, например, выпустить шесть строк и невозмутимо следовать дальше. Полный текст Берга был опубликован в Варшаве в 1875 году, но уже в 1882 появился следующий перевод. Это было переложение В. Н. Бенедиктова. Именно переложение, текст, построенный на тех же стилистических приемах, что и «Евгений Онегин» Пушкина. Это дало, конечно, переводу крылья, русский «Пан Тадеуш» воспарил, полетел. Но полетел неведомо куда. Дело в том, что «Евгений Онегин» и «Пан Тадеуш» - произведения разноплановые, разнохарактерные. Пушкин и Мицкевич, создавая свои поэмы, ставили перед собой разные задачи и решали их каждый своим особым образом. Набор приемов всюду свой, и то, что выглядит органично в одном произведении, в другом смотрится цветком с соседней куртины.

После этих двух, состязающихся друг с другом переводов, наступило затяжное на семьдесят лет молчание. И очередной перевод был напечатан лишь в пятитомном собрании

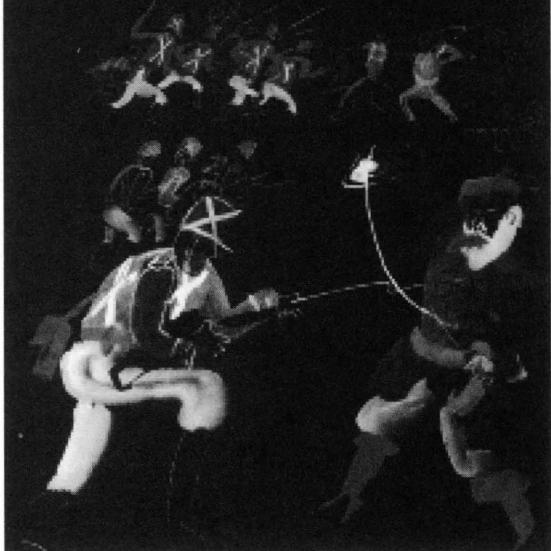
сочинений поэта, уже после второй мировой войны. Это было в тот период, когда Советский Союз смотрел на Польшу как на своего официального союзника и согласно существующей догме преподносил в соответствующем идеологическом свете достижения польской культуры.

Новый перевод, выполненный С. Мар (Аксеновой) и опубликованный в 1949 году, отмечен рядом удачных решений. По духу это вполне перевод сороковых, может быть, даже более ранних тридцатых годов. Он ориентирован на точность, как тогда ее понимали. Особенно это ощущается в форме: ударение в конце каждой строки падает на предпоследний слог. Говорят, это создает ощущение однообразия. Через пять лет, в 1954 году, последовал перевод, сделанный М. Павловой. Он был встречен с некоторым удивлением, потому что повторил значительную часть текста предыдущего перевода. Вот очень кратко о русских переводах.

В 1984 г. я сел за работу и, пренебрегая своими обязанностями перед семьей и впадая по временам в некоторое подобие транса, трудился над переводом четыре года. В это время я ни о чем другом не думал и почти ничего другого не делал. Иногда работал сутками напролет. Переводил везде: гуляя по городу и по лесу, в поезде, в больнице. Даже не вполне подходит слово «переводил», скорее приспособливал русское слово к обстоятельствам, заданным «Паном Тадеушем». Закончив работу, я еще девять лет возвращался к тексту и правил его, некоторые куски перерабатывал в принципе. Поскольку мне хотелось, чтобы отступления от оригинала были минимальные, работа походила порой на решение шарады. Передо мной как пример стоял украинский перевод Максима Рыльского: и сильно и легко и вместе с тем точно, по существу.

Что же побудило меня, кроме честолюбия, заняться этой работой? Что было важнее? Еще в самом начале я задал себе вопрос: насколько органично включен Мицкевич в русский литературный процесс? Есть ли у нашего

Адам МИЦКЕВИЧ ПАН ТАДЕУШ

поколения русских читателей такие переводы, которые способны их заинтересовать и по возможности дать полное представление о поэте? Речь не только о «Пане Тадеуше», но и о переводах Мицкевича вообще. Мы хорошо знаем о переводах Пушкина из Мицкевича, мы знакомы с лирикой польского поэта в превосходных подчас переложениях. Но этого все-таки недостаточно. Мы воспринимаем иногда Мицкевича и величайшую его поэму «Пан Тадеуш» как некую данность, не оценивая ее по существу. Так было когда-то и со мной. И мне захотелось приблизить «Пана Тадеуша» к русскому читателю, полнее представить намерения автора, воспроизвести красоту и скульптурную силу его стиха, дать современному своему варианту Мицкевича. Если мне это хоть в малой степени удалось, значит, я достиг своей цели.

Владимир Британишский

Молодой Мицкевич

Владимир
Британишский

МОЛОДОЙ МИЦКЕВИЧ

Triปmих

I. Зеленая долина

Рис. K. Solecka

Что ж поделаешь: возраст. Старею, не стану,
как молодой Мицкевич к Чечоту и Зану,
писать письмо к кому-то с юношеским жаром,
увлекшись майским утром и пейзажным жанром,
живописуя в красках, трепетно, любовно
зеленую долину в окрестностях Ковно.

Горы, средь них—долина: то уже, то шире,
Солнце изошло недавно (он вставал в четыре),
но горы тень бросали; как едешь ущельем,
то те, то эти склоны, вслед за освещеньем,
зеленили на солнце, в глубине ж долины
тень была. А по склонам — деревьев куртины
(как в парке, чьи красоты Трембецкий прославил).
Мицкевич, план за планом, всю массу представил
рябин, черемух белых, ветвями сплетенных,
темно-зеленых елей и белоколонных
берез. Но здесь поэту мир немой наскучил,
и фильм он в этом месте внезапно озвучил,
дал слышать пенье пташек и журчанье речки,
чтоб слушатель и зритель острее и резче
воспринял центр пейзажа — крестьянок-литвинок,
с корзинками долиной идущих на рынок...

Мицкевич той долине верен, как влюбленный:
в «Гражине», в «Валленроде» (прощаясь
с Альдоной,
Конрад там вспоминает о «нашей долине»).
А позже, много позже, в парижской пустыне,—
все долины и горы, все деревья, травы,
реки, ручьи, озера, ельники, дубравы
Литвы и Беларуси уложит художник
в эпически спокойный тринаццатисложник.
Помните, в третьей книге, где граф с Телименой
и тут как тут Тадеуш, следивший за сценой,

но не Граф с Телименой, не Тадеуш даже,
главное там — деревья, черемуха та же,
которую Мицкевич украсит и хмелем,
буки и дуб добавив к березам и елям
боярышник, припомнив, калину, малину,
богаче и пышнее создаст он картину.

Но в том наброске быстрым, в том письме из Ковно
он сам, живой и пылкий и скачущий конно!

2. A. M. 1823

Только «А. М.» и год —
на валуне, в долине.
Речка внизу течет,
так и течет поныне.
Разве что вот грязна
да и неблаговонна,
а ведь была она
чистой во время оно.
Ну, да чего уж там.
Ладно. Скажем спасибо
лиственницам, дубам,
соснам — так и росли бы
дальше, как и растут...
Древнопоклонник страстный,
к этим, растущим тут,
рвался он в годы странствий,
с Лемана и с холмов
Рима, от римских пиний,
к этим, что и без слов
поняли бы, к долине
(полной когда-то птиц...
Ну, да чего уж. Ладно.)...
Но не достиг. И Стикс
не переплыть обратно.
Да, но ведь он не весь
умер. Пресуществился.
Камень, лежащий здесь, —
тоже его частица.

Рис. K. Solecka

3. Прощание с Литвой

Романтик виленский в Гарольдовом плаще
прошался загодя с Литвой зеленохолмой
и якобы всплакнул у друга на плече,
коль верить версии, какую друг запомнил.
«Прощай любимый край!...» - Вот тут он и всплакнул,
на первом же стихе «Прощанья Чайдль-Гарольда». Казенный дом его нисколько не согнул,
не испугал его. Но – дальняя дорога ...

Быть может, и Сибирь маячила пред ним.
Быть может, Петербург был по-сибирски страшен.
Но хоть бы он и знал, что там – Одесса, Крым,
и этим не был бы отъезд печальный скрашен.

Лишь в ночь последнюю, беспечный, как студент,
он пел и пировал (Гей, насладимся жизнью!...).
импровизировал под аккомпанемент
флейтиста Фрейенда ... Да так и не ложился,
пируем до утра!

Но вот и рассвело.

Звонили к утру, и город просыпался ...
Он ясновидцем был, но разглядеть всего
не мог, а может быть, совсем и не пытался.

Копыта цокали по гулкой мостовой.
Друзья за бричкой шли до самой Погулянки.
И тут уж взор его заслало не слезой,
а Немана волной и синевой Паланги.

Прощай, любимый край! В изгнанье путь лежит.
Равно где изнывать от холода иль зноя.
Прощай любимый край, - навеки и навзрыд:
как в этом выкрике: «Litwo ojczyzno moja! ...»

Вл. Британишский из книги «Движение времени», М. 1985

Рис. K. Solecka

Ален Безансон - Лешек Колаковский

Нацизм и коммунизм – В равной ли мере преступны?

От редакции

ЧТО СКАЗАЛ АЛЕН БЕЗАНСОН?

Ален Безансон, французский политолог, историк социологии и философии, специалист по истории России и СССР, профессор Высшей школы общественных наук в Париже, считает, что гитлеровский нацизм и коммунизм – в равной мере преступные системы. Обе допустили массовые преступления и геноцид. Обе растлевали миллионы людей. Однако историческая память относится к ним по-разному. Если о преступлениях фашизма все время напоминают, то о преступлениях коммунизма в большинстве стран, вышедших из коммунизма, пожалуй, забывают, а о наказании ответственных за убийства, заключение в тюрьмах, разорение и одурманивание двух или трех поколений – не было и речи. Откуда берется асимметрия в отношении к нацизму и коммунизму? – спрашивает А. Безансон. И приводит семь причин.

Во-первых, нацизм более известен, так как союзники настежь раскрыли "шкаф с трупами", к тому же западные общества на себе испытали зверства, совершенные гитлеровцами. Советский же ГУЛАГ и китайские лагеря „лаогай“ – это нечто отдаленное и весьма туманное.

Во-вторых, обязанность напоминать о преступлениях нацизма взял на себя еврейский народ. Человечество должно быть благодарно евреям за то, что геноцид, учиненный фашистами, не был предан забвению, – пишет Безансон.

В-третьих, нацизм и коммунизм были ошибочно помещены на противоположных полюсах магнитного поля – правом и левом. Многие интеллектуалы причислили коммунизм к левым силам, приняв видимость и коварство лозунгов идеологов коммунизма за действительность. Корни же нацизма усматривались в правой идеологии. А между тем, итальянский и германский фашизм корнями уходят в левую демагогию.

В-четвертых, военный союз демократических государств с Советским Союзом во время войны против гитлеровской Германии ослабил защиту Запада от коммунизма и породил своего рода интеллектуальную блокаду. Демократические страны понесли тяжелые жертвы во имя победы над Гитлером. Потом же у них не хватило сил для того, чтобы остановить советский режим, и, наконец, стремясь сохранить равновесие, они помогли ему удержаться.

В-пятых, крупнейшим достижением советских идеологов было то, что они распространили и навязали свою систему классификации политических режимов: социализм противопоставили капитализму, причем социализм отождествлялся ими с советским строем.

В-шестых, слабость групп людей, способных сохранить память о коммунизме. Нацизм господствовал в течение 12 лет, в то время как европейский коммунизм просуществовал 50–70 лет. За это продолжительное время общество было сокрушено, элиты постепенно уничтожены, подвергены перевоспитанию. Господствовали обман, предательство, нравственное растление. Большинство самостоятельно мыслящих людей было лишено возможностей ознакомиться со своей историей и потеряло способность анализа. После распада тоталитарной системы труднее всего возродить нравственные принципы и интеллектуальные способности. Германия была в более выгодном положении, чем постсоветская Россия: у Гитлера не хватило времени на то, чтобы уничтожить гражданское общество.

В-седьмых, амнезия, с которой мы имеем дело в случае коммунизма, приводит к тому, что чрезмерной остается память о нацизме (и наоборот). А между тем хорошей, честной памяти достаточно, чтобы осудить обе системы.

На наших глазах создается лживая история; было бы плохо, если бы мы именно такую историю передали будущим поколениям, – пишет А. Безансон в заключение своей статьи "Память и забвение" во французском журнале "Коммантер", которую перепечатала "Газета выборчा" (по-русски опубликована в „Русской мысли“).

(Составил Е.Р.)

Лешек Колаковский

ОТВЕТ АЛЕНУ БЕЗАНСОНУ

Мой друг Ален Безансон представляет длинный перечень причин, объясняющий поразительную асимметрию в восприятии коммунизма и нацизма, а также расхождения в критериях оценки этих двух игрушек великой Государыни Истории. Несомненно, все эти причины правильно названы, однако мне представляется, что общая картина, начертанная Безансоном, требует еще поправок.

В самом ли деле национал-социализм и международный социализм - это двуяйцевые близнецы? Это вполне возможно. Как и в случае любого исторического метаморфоза, мы найдем доказательства и за, и против. С одной стороны, мы имеем дело с тоталитаризмом, исходящим из идеи превосходства расы или нации, осуществляющим вытекающие из этой идеологии принципы и, следовательно, не нуждающимся в каком-то "ложном сознании". С другой - тоталитаризм, исходящий из идеологии, которая проповедует интернационализм, равенство и гуманизм, обращается к таким ценностям, как общность людей, братство народов, всеобщий мир, обещает освобождение от тирании, конец нищеты и безработицы, объявляет приход государства благодеяния и т.п..

Нацизм не нуждался в крупной лжи, он более или менее откровенно говорит, что он такое. Коммунизм был воплощением лжи, был ложью монументальной, чуть ли не возвышенной по своему размаху (Союз Советских Социалистических Республик - четыре слова - утвержденная ложь, как повторял вслед за Борисом Сувориным покойный Корнелиус Кастроидис). Разница небольшая? Не думаю. Вся история коммунизма свидетельствует о вескости этого вопроса. Коммунизм многие годы привлекал людей иной породы, чем те, которых заворожил фашизм: он увлекал тех, кто действительно верил в человечество, и представлял себе, что ярмо нищеты и безработицы скоро будет сброшено; милитаризму, национальным и расовым преследованиям, ненависти, войнам - скоро придет конец.

Все эти иллюзии, какими бы фантастическими они ни казались несколько лет спустя, имели свои последствия. Именно благодаря ним в чреве коммунизма могли родиться его противники и критики. Прославленное высказывание Игнацио Силоне о том, что решающий бой разгорится между коммунистами и бывшими коммунистами, было, наверное, сильно преувеличеным. Тем не менее, бывшие коммунисты сыграли в самом деле существенную роль в процессе, который подорвал систему изнутри и вызвал ее окончательное падение. Другое проявление слепоты - западные „попутчики“

совершавшие „паломничества“ в Советский Союз и до, и после войны и восхвалявшие его. Ничего подобного, пожалуй, не происходило в отношении нацистской Германии. Эти паломники в царство коммунизма способствовали только утверждению лжи (хотя были и исключения: Антон Цилига, Панайт Истрати, некоторые польские писатели), зато многие коммунисты, которые отрешились от лживой веры, могли ее успешно атаковать, ибо раньше сами подверглись ее влиянию. Их голос был услышан и отразился широким эхом именно благодаря их прошлому.

Более того, большевизм в России с самого начала был террористическим режимом, но сперва ему не нужно было скрываться за личиной всеобъемлющей лжи. Его лживость нарастала постепенно, достигнув апогея в период позднего сталинизма. Коммунизм делал первые шаги в атмосфере идеологической подлинности. Называть его культурно бесплодным было бы несправедливо. Коммунизм как культурная формация, оставил до сих пор заметные и весьма важные следы в истории литературы, поэзии, кино, театра, живописи. Разумеется, по мере укреплений твердыни сталинской лжи, число ценных произведений уменьшалось. Некоторое возрождение культуры произошло во время войны и сразу после нее, но его источник и вдохновение были скорее патриотическими, чем коммунистическими. Тогда-то и вышло в свет несколько ценных произведений. Можно ли то же самое сказать об истории культуры нацизма? Я полагаю, нельзя. В культуре нацизм принес только опустошение и вандализм.

Ответ узника

Исходя из такого диагноза, можно спросить: разве умирающий в Воркуте зэк должен был чувствовать себя довольным и счастливым, из-за того, что он избежал такой же участи в Дахау? Это мой демагогический вопрос, и не следует приписывать его Безансону. Отвечаю: нет. Следует, однако, добавить, что в то время, когда коммунистическая вера была еще жива, степень идейной преданности и дух самопожертвования ее приверженцев были поразительными. Многие коммунисты в ГУЛАГе отказывались отречься от своей веры, а многие из тех, кому удалось пережить лагерные ужасы и вернуться (например, в Польшу), с энтузиазмом участвовали в сталинской политике. Разумеется, это свидетельствует всего лишь о силе фанатизма, а не о нравственном превосходстве коммунизма. Интересно, однако, проанализировать условия, которые могли привести к подобной степени ослепления.

По производству трупов достижения Сталина намного выше, чем Гитлера. Трудно, однако, сравнивать их по количеству, учитывая, что нацистское государство просуществовало только 12 лет и в это время шла страшная война, а коммунизм овладел многими странами, в том числе страной с самым большим населением в мире, где с трудом замечается убыток 50 миллионов людей. Между тем, это не единственный и даже не самый важный критерий при исторических сопоставлениях, хотя – как я полагаю – это мнение не разделяли те, кто стоял под виселицей.

Вескость различий

Я не хотел бы повторять нелепость, провозглашенную Троцким, который считал, что большевизм и нацизм похожи друг на друга только по нескольким "поверхностным" признакам, как, например, отмена выборов, но у них явно различная сущность, разная классовая натура и т.д. Напротив, обе системы были похожи друг на друга по многим и притом весьма существенным признакам. Внушать, что различия незначительны, – это недопустимый догматизм. Факт, что из рядов сторонников коммунизма вели свою родословную многие его позднейшие критики и противники, обращавшиеся (хотя бы на некоторое время) к тем же идеологическим стереотипам, гротескно противоречившим действительности, освободиться от которых система не могла, все же доказывает, что генеалогические различия имели существенное значение. Коммунизм был выродившимся отростком Просвещения, нацизм же был уродливым ублюдком романтизма.

Родословную тоталитаризма можно проследить так далеко, как хочется: Платон, Блаженный Августин, Гоббс, Гегель, Фихте, Гельвеций, Копт. Правда, нацизм родился отчасти как реакция на большевизм, но это не вносит ничего нового в спор о сущности того или другого. Успехи коммунизма в Европе частично можно объяснить реакцией на ужасы Первой мировой войны, но какие выводы можно сделать из этого неоспоримого факта?

Общее понятие "коммунизм" вполне правомочно, вопреки многим его разновидностям и конфликтам, родившимся среди коммунистов, точно так же, как правомочно понятие "млекопитающие". Однако вкупе с сильными эмоциями (вполне понятными), которые испытывают антикоммунисты, это понятие может привести нас к суждению, что реальное положение коммунистических стран следует рассматривать, исходя из неизменной натуры тоталитаризма, а не на основе эмпирического анализа. Из этого может следовать, что

различия между режимом Пол Пота в Камбодже и положением в Польше или Венгрии во второй половине 80-х годов лишь мелки и незначительны: тут - коммунизм и там - коммунизм. Подобное утверждение, своей мудростью превышающее даже упомянутое замечание Троцкого, - это не только издевательство над действительностью. Оно вдобавок оскорбляет людей, которые жили в этих странах (это утверждение я не приписываю Безансону). А если мы еще добавим, что различия между нацизмом и коммунизмом несущественны, то отсюда следует, что Польша при гитлеровской оккупации и Польша при „народной демократии“ - это одно и то же, если опустить мелкие детали. Попробуйте убедить в этом того, кто жил в той и другой Польше!

Различия в рамках коммунизма

В странах "народной демократии" в период сталинизма, то есть в первые послевоенные годы, совершались убийства как по судебным приговорам суда, так и без суда (позднее тоже, но время от времени). Были пытки, устрашение, показательные процессы партийных руководителей (за исключением Польши и ГДР, где подобные процессы готовились, но после смерти Сталина следствие было прекращено). Были репрессии по отношению к крестьянам, чтобы принудить их к коллективизации, а также по отношению к мелким коммерсантам и ремесленникам. Однако по сравнению со страданиями советского народа это умеренные безобразия, не заслуживающие названия геноцида (как огромные чистки 30-х годов, переселение целых народов во время войны или широкая система лагерей). Повсюду за довольно короткое время наступил прогресс в области градостроительства, индустриализации, а также образования: университеты и другие вузы идеологически "перестроились", но, к счастью, это не было необратимо, в чем можно было убедиться, когда в коммунистических странах улучшилось положение. Стало быть, прогресс был значительным, хотя он не был особой заслугой коммунизма. Он шел во всей Европе, притом в некоммунистических странах значительно быстрее. И все же он шел (и это следует подчеркнуть) также и в коммунистических странах, что дает еще один повод признать абсурдным мнение, будто бы у гитлеровской оккупации и "народной демократии" - одна и та же природа.

Правда, жестокости коммунистической диктатуры долгое время недооценивались, умышленно замалчивались или просто не были известны на Западе. Аллен Безансон метко

оценил причины этого незнания и молчания. Неверно, однако, что после 1989 года польская оппозиция, во главе с примасом католической Церкви, рекомендовала забыть и простить. Простить иногда можно, забывать – нельзя, и мне кажется, что Ален Безансон не мог бы найти цитаты, подтверждающие его тезисы.

Когда я смотрю на полки в моей библиотеке, у меня нет впечатления, что подлинная история и анализ коммунизма были оставлены без внимания или забыты: я вижу произведения Конквиста, Пайпса, Геллера, Некрича, Солженицына, Волкогонова, Улама, Малии и еще десятков американских, российских, польских авторов, в том числе и некого Алена Безансона. В Польше историческая литература и мемуары об эпохе коммунизма огромны и все время увеличиваются. Открытие советских архивов и в самом деле оказалось плодотворным (говорят, что их опять закрывают, но поговаривают также, что ключ к этому кладу – доллар. Ах, этот вездесущий капитализм!).

Эволюция коммунизма

У коммунистической системы, разумеется, не было механизма, благодаря которому она могла бы преобразоваться в правовое государство. Тем не менее, нелепо утверждать, что она все время была неподвижным и неизменным блоком, где не могли проходить никакие социальные процессы, не зависящие от Политбюро. Общество подвергалось глубоким преобразованиям, а аппарат тирании часто был вынужден подчиняться воздействию независимой от него силы.

Прославленный доклад Хрущева, разумеется, не был голосом обратившегося в демократы – скорее воплем раба, разорвавшего цепи. Но прежде всего это был пакт безопасности партийного аппарата, позаботившегося о том, чтобы никому впредь не дать возможности захватить столь деспотическую власть, какая была у Сталина. Именно из-за этого уровня деспотизма столь неуверенными в завтрашнем дне были секретари ЦК и маршалы, не говоря уже обо всех остальных. Этот вынужденный обстоятельства ми доклад в самом деле изменило положение в стране (помните, в 1956 году французские коммунисты не хотели верить, что он был действительно сделан, а между тем мы читали его текст в подлиннике).

Во всех коммунистических странах после смерти Сталина продолжала существовать воля к сохранению системы, но под воздействием экономических катастроф, а иногда даже под напряжением общественности, тоталитарные черты системы слабели, несмотря на периоды застоя и рецидивов. Идеология

вскоре потеряла всю свою жизнеспособность и никто больше ее всерьез не воспринимал. Нелепо утверждать, что целью реформ Горбачева было обмануть Запад и что они ничего в СССР не меняли.

Никто не сомневается, что он не хотел уничтожить коммунизм. Он хотел сделать коммунизм более действенным и понимал, что это требовало свободного обмена информацией. В результате, как и многие другие реформаторы, он уничтожил то, что предполагал усовершенствовать. Я бывал в Москве в эпоху Горбачева и видел, что там появилась свобода слова, появились независимые газеты и агентства печати. Люди высказывались без стеснения, без страха, и говорили обо всем. Кто посмеет утверждать, что свобода слова, разрушившая коммунизм - это незначительная деталь? Коммунизм со свободой слова выжить не может, хотя я знаю одного теоретика, который тогда признал, что, по его теории, ни Горбачева, ни Валенсы быть не может.

Удивительны и неожиданы успехи на выборах так называемых посткоммунистических партий в большинстве стран, покинувших "империю зла" (равно как удивляет в разных странах сопротивление крестьян ликвидации колхозов). О причинах этих странных шагов назад написано много. Они непонятны, если исходить из теории, которая предполагает, что коммунизм - это единый блок, состоящий из неподвижных монолитов.

Виктор Кулерский

Различие

Виктор Кулерский

РАЗЛИЧИЕ

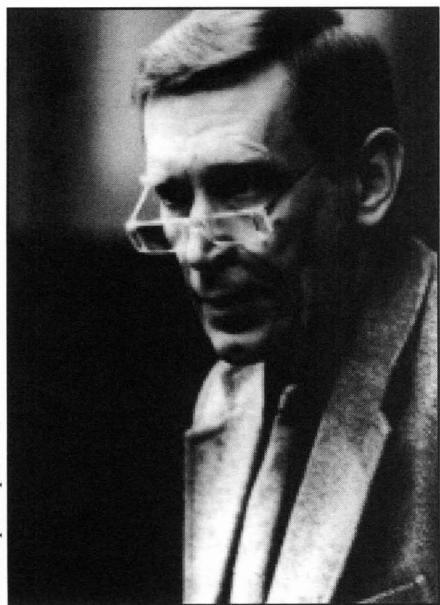

Фото архив редакции

Виктор Кулерский родился в 1935 году в г. Грудзенде. Учитель, выпускник Люблинского Католического университета. С 1976 года работал в конспиративных структурах КОРа и, после августа 1980 года - в „Солидарности”. С июня 1989 по сентябрь 1991 года - депутат Сейма РП; в сентябре Тадеуш Мазовецкий назначил его на пост статс-секретаря в Министерстве народного образования. Был президентом Фонда „Просвещение для демократии”.

Те многие, чья память о недавнем прошлом остается по-прежнему жива, полемику о различии между нацизмом и коммунизмом, другими словами, между национал-социализмом и интернационал-социализмом, относят скорее к области абстрактных рассуждений, нежели реальной действительности. Быть может, такое впечатление складывается из-за

отсутствия перспективы видения событий, из-за чрезмерно личностного их восприятия. Но чаще всего эти дискуссии, действительно, носят чисто теоретический характер, над ними тяготеет груз политических убеждений, бремя ложных представлений о прошлом, а зачастую – и лицемерия. Наблюдая за их ходом, хотелось бы заметить: факт остается фактом, несмотря ни на какие обстоятельства.

Какова разница между физическим истреблением по признаку расовой или классовой принадлежности – по отсутвию крайней плоти или наличию белых рук у интеллигента? И чем отличается герметическая газовая камера с циклоном «Б» от камеры с решеткой, заиндевелой на полярном морозе? В чем разница между испепелением в крематориях и гниением в братских могилах, между знаком свастики и символом серпа и молота? Существенны эти различия или случайны? В данном случае разница между символикой подобна двум печатям, удостоверяющим собственность, двум клеймам, какими метят стада, принадлежащие разным владельцам. Сравнение это не совсем удачно, поскольку, поскольку оскорбительно по отношению к зверям. Ведь не по собственной же воле носят они эти клейма, и будущее, которое их ожидает, отличается от того, какое уготовал себе род человеческий. Возможно, что отсутствие перспективы и багаж личного опыта искажают картину увиденного, лишают ее объективности, и тогда ускользают иные важные детали. Но может быть и наоборот, когда стороннему наблюдателю не хватает исследовательского чутья правильно оценить что-то чрезвычайно существенное для обитателей камеры. То, что для них жизненно важно, может оказаться мало интересным для исследователя, и наоборот.

Можно предположить, что в коммунистических тюрьмах пребывали люди большого ума и сильного духа, и было их там не меньше, чем в нацистских. Однако, по мнению одного из заключенных с многолетним опытом, именно в этих тюрьмах люди чаще всего проигрывали свой одинокий бой, именно там чаще всего их удавалось сломить и перековать на безвольное орудие. В этом и заключается секрет «кухни». Чтобы разгадать ее тайну нужно было стать частью меню.

Мой отец, доведенный до критического состояния, очнулся в тюремном санатории – свет из окна, чистая постель, человеческие лица, забота, пища... Спустя некоторое время, когда его состояние уже позволяло продолжать дознание, его снова вернули на землю, точнее – под землю, в казематы здания Министерства госбезопасности на улице Кошиковой в Варшаве. Находясь под следствием три года, он пережил несколько подобных пробуждений и последующих возвращений. Вот тогда он и прозрел. Позже, спустя годы, он рассказывал: «В руках гестапо человек мог надеяться. Он жил надеждой. И то, на что он надеялся, в конце концов, сбывалось. В руках госбезопасности, когда казалось, что уже близок конец, что стоит еще немножко потерпеть, еще секунду, и всему настанет конец..., наступало пробуждение в солнечной комнатке, в сказочном мире, в ином измерении. А когда этот мир, в реальность которого столь трудно было поверить, начинал приобретать черты ежедневной действительности, когда человек начинал постепенно к этой действительности привыкать, наступало возвращение. И оказывалось, что это песня без конца – начинай с начала. Вот тогда человек осознавал, что надеяться не на что, что конца не было, и не будет. Ведь так могло продолжаться бесконечно. Они не позволяли умереть. Когда человек снова попадал в больничную палату, в его душу вселялся страх, страх перед очередным возвращением. Каждый раз отворяемые двери могли означать возвращение в преисподнюю. Надежды не оставалось. Никакой. А это редко кому удавалось вынести. Люди теряли рассудок, но их держали вместе с другими, пока не убеждались, что те не симулируют. Затем их обычно уничтожали. Некоторые падали духом и соглашались на все. У немцев было мало времени. Они торопились. В этом был шанс. Коммунисты же не спешили. У них было много времени. Уйма времени. В этом и заключалось различие.

ПАВИЛЬОНЫ СССР

(арх. Борис Иофан,
скульптор Вера Мухина)

И ГЕРМАНИИ

(арх. Альберт Шпеер)

НА ВСЕМИРНОЙ ВЫСТАВКЕ В
ПАРИЖЕ, 1937

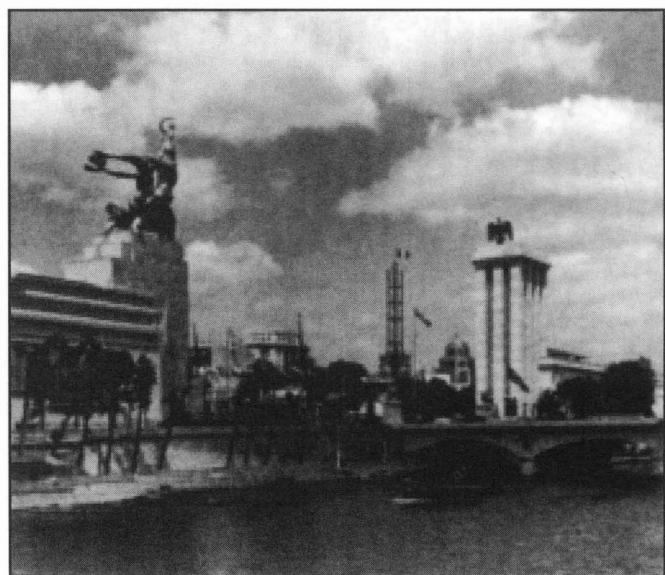

Фото архив редакции

Молитва через поступки

Беседа с Яном Якубом Выгнанским

МОЛИТВА ЧЕРЕЗ ПОСТУПКИ

Беседа с Яном Якубом Выгнанским

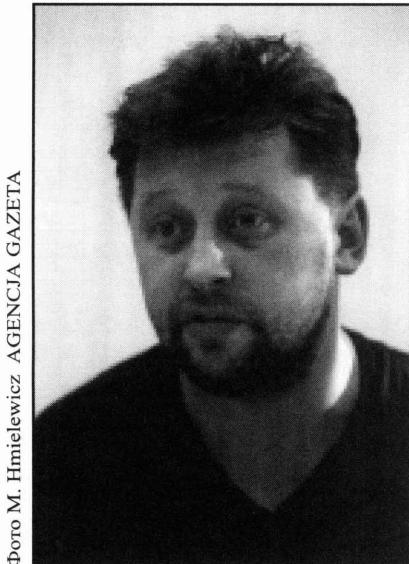

Фото M. Hmielewicz AGENCJA GAZETA

Ян Якуб Выгнанский (35 лет)

в этом году удостоился премии имени Анджея Бончковского, предоставляемой за деятельность в области гражданского диалога и реформ в сфере социальной защиты.

В 1981 – 84 годах был координатором системы самостоятельного обучения в лицеях варшавского района Жолибож. Год был студентом факультета электроники, восемь лет – социологии в Варшавском университете. В конце восемидесятых лет был секретарем Хенрика Вуеця, тогдашнего члена властей подпольной «Солидарности» и

Иза Пур Ранама. Общественный деятель – что это за зверь? Им надо родиться?

Куба Выгнанский. Вовсе нет. Это род безумия, которое вызревает в человеке. В биографиях таких безумцев нет толкового тому объяснения. Эта болезнь затрагивает как людей состоятельных, которые вдруг говорят: “хватит”, так и тех, кому почти нечем делиться – разве что собственной бедностью. Левых и правых, молодых и старых. И это счастье. Невозможно предсказать, где они появятся.

И.П.Р. Что для нас значат эти “безумцы божьи”? Как мы относимся к ним? С восхищением, снисходительно?

К.В. Они – некий знак. Люди по-разному могут расценивать их страсть. Для кого-то она – своего рода подтверждение религиозности: молитва через поступки и т.д. Иным, рядом с этими “безумцами”, становится стыдно – таким, к примеру, профессиональным деятелям, как я, – но также и преисполненным ценностями людям, которые ходят и рассказывают, как сильно они к этим ценностям привязаны. Стыдно порой становится и гигантским организациям, всей этой “промышленности”, связанной с оказанием помощи. Потому что выходит на явь их ненужность.

И.П.Р. Оказывая помощь – они этим что-то себе компенсируют?

К.В. Некоторые полагают, что общественные деятели – люди, неспособные бездействовать: что-то их подгоняет, распирает энергия. При этом им не хватает предприимчивости, чтобы заниматься бизнесом. Они недостаточно тверды и агрессивны, чтобы играть в политику. Вот они и выбрали для себя

область, в которой принимаются в расчет намерения, а не достижения. Это неправда. Так воспринимать так этих людей - неправильно. Они могли бы состояться и в иной деятельности. Помощь другим - единственная разновидность добра, творя которое, ты сам получаешь. Нечто такое, что чудесным образом умножается. Вовсе не обязательно утратить, чтобы кому-то отдать. Гляжу я на них, заставляющих меня стыдиться, и думаю, что в конце концов, как кто-то сказал, "мы будем жалеть не о том, что мы сделали, а о том, чего не сделали".

Вот как это началось

В начале октября 1996 года Вислава Шимборская, лауреат Нобелевской премии по литературе, написала Яцеку Куроню¹: "Дорогой пан Яцек! Как известно, с Нобелевской премией связаны большие деньги. Ясно, что я бы хотела как-то разумно ими поделиться. (...) Кому как не вам лучше знать, кто особенно нуждается в деньгах?"

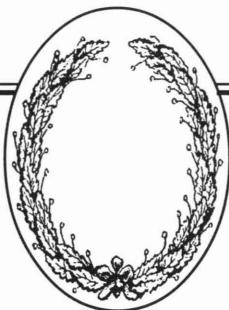
Яцек Куронь предложил создать фонд под управлением комитета, состоящего из приглашенных Шимборской лиц. Так и случилось. Комитет в составе: Вислава Шимборская, Яцек Куронь, Янина Охайская, Паула Савицкая, Ежи Турович, Малгожата Хмелевская, Ян Юзеф Щепанский - впервые собрался 17 марта 1997 года в Кракове. Было вынесено решение о создании фонда, цель которого - оказывать покровительство и поддерживать малоизвестные инициативы людей добной воли на местах. Для этого было учреждено почетное звание „Общественный деятель года“. Лауреаты конкурса получили право претендовать на дотацию фонда для продолжения своей деятельности.

Гражданского комитета при Лехе Валенсе. Во время переговоров за Круглым Столом был секретарем так называемого молодежного подстолика. В декабре 1989 года руководил транспортом гуманитарной помощи для Румынии. До вспышки «войны в верхах» был членом правления Гражданского фонда, учрежденного Л. Валенсой. В 1990 году был одним из основателей Молодежного агентства по трудуоустройству – первого в Польше агентства, занимающегося трудовым посредничеством. Позже был, в частности, соорганизатором и заместителем президента „Фонда без учета плохой погоды“ (в рамках которого работают банки данных о местных инициативах и неправительственных организациях). Был основателем Польской секции международной организации социального развития, членом-учредителем Центра волонтеров и соорганизатором акции гуманитарной помощи для Казахстана и Косово. Соавтор и президент Форума неправительственных инициатив, член правления Фонда им. Стефана Батория. Жена учится на факультете социологии, заканчивает дипломную работу, посвященную бомжам в Варшаве. У них полуторогодовая дочка.

¹ Яцек Куронь - известный политический и общественный деятель, бывший диссидент и политзаключенный, в то время- министр труда и социальной помощи.

Адам Михник

Свобода негодяев

Адам Михник

СВОБОДА НЕГОДЯЕВ

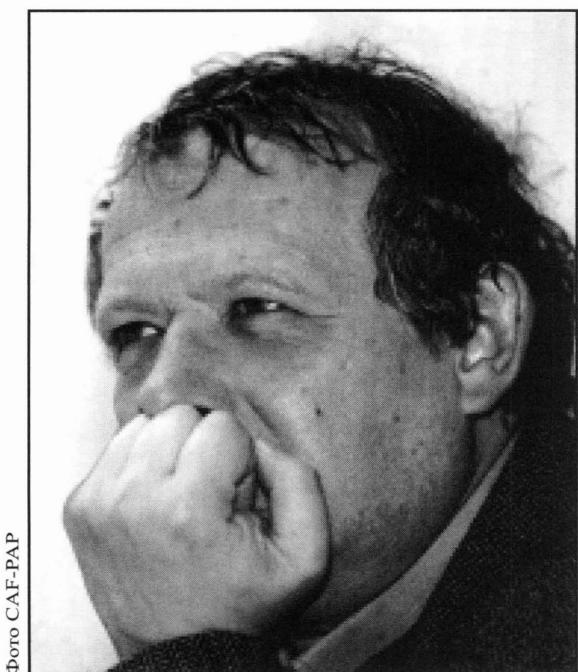

Фото САФ-ПАР

После убийства Галины Старовойтовой в ноябре 1998 г. Адам Михник написал в «Газете выборчей»:

Галина Старовойтова принадлежала к поколению, которое не смело мечтать, что доживет до свободы. Когда же она дождалась свободы, то поверила в нее со всей силой немного наивного романтизма русского интеллигента. Она принадлежала к харизматическим лидерам первого поколения перестройки, приняла большое участие в ликвидации советской тюрьмы народов и внесла свою лепту в возведение здания российской демократии.

Русским интеллигентам был знаком упитательный запах свободы, так как они были ее лишены. Они прекрасно сознавали, что борьба за свободу дорого стоит. И потому Россия породила поколение отважных и благородных людей. Однако свободой

Адам МИХНИК (1946), эссеист и публицист, общественный деятель. В прошлом многолетний узник. В семидесятые годы — член Комитета защиты рабочих и редактор подпольных журналов „Zapis” и „Krytyka”. После 1989 года — депутат Сейма РП, главный редактор ежедневной газеты „Gazeta Wyborcza”.

пользуются все — в том числе негодяи, мошенники и хулиганы. Когда свобода молода и еще не окрепла, ей всегда сопутствует необъявленная война между идеалистом, который жаждет истины и порядочности в общественной жизни, и бандитом, которому достаточно свободы грабежа. Галина Старовойтова стала жертвой этой войны.

Я любил Галину Старовойтова, женщину впечатльного вида, непосредственную, веселую и доброжелательную. Мы познакомились летом 1989 г., когда я впервые побывал в Москве. Это был год, когда мир клокотал и небо в советской империи сотрясалось. Невозможное становилось возможным и банаальным. Самые романтические прогнозы исполнялись наподобие очевидных предсказаний. Гая пришла на какую-то встречу со студентами университета, где я рассказывал о Польше, о польской демократической оппозиции, о Комитете защиты рабочих и о «Солидарности». После встречи ко мне подошла симпатичная златокудрая женщина, представилась и предложила вместе поужинать. Мы провели вечер в ее номере депутата Верховного Совета СССР, разговаривая о Польше и России, о диктатуре и свободе, о Горбачеве и Ярузельском, о Ельцине, Сахарове и Валенсе.

Затем, на протяжении почти десяти лет, у нас было много таких разговоров: в Моск-

ве и Риме, в Париже и Японии, в Швейцарии и США. Когда мы в последний раз разговаривали в Москве, Галина напомнила, что у нее есть для меня фотографии нашей прогулки по каналам Венеции, где был и мой сын-ишак Антось. Тогда у меня не было времени забрать эти фотографии, где мы сидим вместе в венецианском вапоретто, смеющиеся, счастливые, что нам довелось дожить до свободы. Видно, я уже никогда не получу этих фотографий. И, наверное, уже никогда не смогу так радоваться обретенной свободе.

Лидеры первой волны перестройки не понимали политики, ее интриг, механизмов, жесткой хитрости. Зато они понимали, что такое совесть. Интуитивно они признали своей систему ценностей и образ мыслей Андрея Дмитриевича Сахарова, великого физика, лауреата Нобелевской премии мира, правозащитника и узника совести, сумевшего сделать из беззащитности силу. Это он, наследник Герцена и Чехова, самое прекрасное и благородное воплощение наилучших черт русской интеллигенции, стал духовным вождем всех, кто не довольствовался восхвалением Горбачева, кто стремился к преобразованию России в демократическое государство.

Их принципом было говорить правду, характерной чертой — прямолинейность, методом — добиваться перемен мирным путем, а духовной атмосферой — свобода от ненависти и духа реваншизма. Они первыми отвергли не только диктат партийной номенклатуры и большевистской идеологии, но и великорусский национализм, и благоговейное отношение к империи.

Галия приобрела большой авторитет благодаря своей деятельности в защиту преследуемых армян. В месяцы, предшествовавшие путчу, она пыталась выступать посредником между Ельциным и Горбачевым. Во время путча была на стороне демократов, что, впрочем, никого не удивило.

Фото CAF-PAP

Когда распускали Советский Союз, во время знаменитой встречи в Беловежской пуще, Галия была советником Ельцина по национальным вопросам. Хорошие ли советы она ему давала? Я не уверен. Она была склонна поддерживать всех, кто требовал суверенитета.

Между тем, все было не так просто. Большевики в Узбекистане или Туркмении преображались в азиатских ханов. Диссидент и политический узник, избранный на пост президента Грузии, превратился в авторитарного деспота, который начал сажать за решетку вчерашних друзей из демократической оппозиции. Однако для Гали это были просто борцы за свободу от советского господства.

Лишь через несколько лет я услышал от нее несколько иные формулировки. Она говорила об ответственности бывшего колонизатора за форму и ход деколонизации, не

скучилась на критические замечания и по поводу собственных иллюзий. Она прекрасно понимала, что недостаточно быть против Москвы, чтобы заслуживать уважения и имени демократа.

В то же время Галина никогда не примыкала к тем, кто демократическую риторику заменил великодержавной. Я помню ее бурный спор с турецким политиком, когда она настаивала на правах курдов, и ее публичную полемику с русскими националистами, которые вовсю клеймили дискриминацию русских в прибалтийских странах. И тем, и другим Галина отвечала с прямолинейной храбростью, без каких-либо политических уловок. Можно ли с таким характером сделать карьеру в политике?

Галина не раз говорила мне, что я правильно поступил, отказавшись от участия в политике и став редактором газеты. Она сама воспринимала свое участие в политике как нравственный долг, хотя у нее не раз опускались руки, когда она видела ту диковинную ярмарку тщеславия, какой стала политика в посткоммунистических странах, в особенностях в России.

В России людям жилось тяжело. Безработица, нищета, преступность и коррупция, болтовня, демагогия, чувство потерянности и страх перед завтрашним днем. Русские демо-краты не смогли создать силу, которая провела бы государство через трудный вираж шоковой терапии. Все погрузились в споры, конфликты, интриги. На сцену триумфально взошли люди с иным мышлением: национал-коммунисты и национал-фашисты. Они становились все сильнее, а демократы слабели. Демократы же все чаще прибегали к «их» риторике — националистической и великодержавной.

В Думе все реже мы слышали внятные и честные голоса Сергея Ковалева или Галины Старовойтовой, но все чаще — вопли современной черной сотни. Ложь и клевета захлестывали парламент. А ложь, как ска-

зал Чехов, это как алкоголизм. Лжецы врут даже перед лицом смерти. И когда в Чечне гибли молодые парни, воевавшие с чеченской либо с российской стороны, от русских парламентариев мы все равно постоянно продолжали слышать, что демократы предали Россию.

За несколько дней до убийства Галины русский национал-коммунист Макашов открыто призвал к антиеврейским репрессиям. И, как обычно, мишенью этих призывов были не евреи. Они, как самое большое, были приманкой для толпы. Мишенью была российская демократия и русские демо-краты, такие, как Галина Старовойтова.

«Черная сотня» отвергает Запад как средоточие зла и погибель для России. Поэтому она так стремится уничтожить российскую демократию, в которой видит пятую колонну западной цивилизации.

Найдет ли Россия себе место в XXI веке? В этом Галина была уверена. Она верила в демократическую Россию, потому что любила свою страну и, как предтеча российской свободы Петр Чаадаев, повторяла, что не может любить свою страну с завязанными глазами и кляпом во рту.

Она никогда не искала ложных оправданий русской вины, сваливая ее на иностранцев, но всегда умела защитить россиянина, если была уверена, что допущена несправедливость. Она верила в Россию, которая сбросит с себя тоталитарно-имперское наследие.

Внезапная смерть от руки убийц придает другое измерение всей жизни.

Страшный суд идет без перерыва, и приговор может быть вынесен в любой момент. Значит, надо жить так, чтобы без стыда посмотреть в глаза запредельному. Есть люди, которые живут для того, чтобы убивать. Таковы убийцы Гали и их заказчики. И есть люди, которые живут для того, чтобы помочь жить другим. Их, бывает, как раз за это и убивают. Именно такой была Галина Старовойтова.

Юрий Щербак

Ценные польские уроки

Юрий Щербак

ЦЕННЫЕ ПОЛЬСКИЕ УРОКИ

— Никогда в жизни я не забуду первого официального визита министра иностранных дел независимой Украины в Варшаву в конце августа 1991 г. Это было сразу после путча в Москве и провозглашения независимости Украины.

Я тогда сопровождал нашего министра, будучи его советником. Тогдашний польский министр иностранных дел Кшиштоф Скубишевский объяснял нам, что вы, поляки, не можете признать независимость Украины, пока у нас не пройдет референдум по этому вопросу. Но нам хотелось, чтоб поляки хотя бы повысили ранг действовавшего тогда в Киеве польского консульства. Скубишевский, хоть и прекрасный знаток международного права, не соглашался. Я сказал ему, что сейчас подходящий момент, и подкинул идею создать специальную миссию, а Скубишевский это подхватил. Так возникла специальная миссия правительства Польши на Украине. Для нас это было огромной победой.

Второй раз я был в Варшаве в мае 1992 г., сопровождая президента Кравчука как министр охраны окружающей среды. Когда мы ехали из аэропорта в центр Варшавы, на всех столбах висели украинские флаги. Я прекрасно знаю историю Польши и понимаю, что это не было рядовым событием. Мы мчимся через город, а сидящий рядом со мной Дмитро Павлычко, тогдашний председатель комиссии по иностранным делам нашего парламента и замечательный историк, шепчет мне: «Юрко, видишь эти флаги?» — Я отвечаю: Вижу. — А он мне: «Юрко, раз мы до этого дожили, значит, можем спокойно умирать».

По моему личному мнению, Квасневский и наш президент Кучма хорошо друг друга понимают, испытывают друг к другу какую-то неуловимую симпатию. Благодаря этому идею партнерства Польши и Украины удалось сразу протолкнуть в высшие политические круги, а не на средние ступени бюрократии.

— *Как возникла идея создать стратегический союз США, Польши и Украины?*

— Когда президент Кучма приехал в феврале 1996 г. в Вашингтон, он предложил президенту Клинтону повысить ранг отношений и создать двустороннюю комиссию. Спустя несколько месяцев стратегическое партнерство между США и Украи-

ной стало фактом. Это была одна из сторон треугольника. Дэвид Липтон, замминистра финансов США, в последние три года каждый раз, как мы встречались, почти умолял нас: «Берите пример с Польши, учитесь у них, подсматривайте, что они делают, так как поляки преуспели». Уже в 1996 г. мы начали копировать польский опыт, например, в области контроля государственных расходов.

Американцы восхищены польским примером перехода к демократии и рыночной экономике. На всех уровнях американской администрации мы постоянно слышим про Польшу и польский опыт. Американцы прекрасно понимают, что Польша — тот коридор, через который Украина может войти в Европу.

Уже существуют замыслы создать в Польше какой-то институт, чтобы обеспечить подготовку наших политических и управленческих кадров. Ваш опыт строительства современной партийной системы нам очень интересен.

Мы хотим воспользоваться опытом польской армии по введению норм НАТО. Польский путь в Северо-Атлантический союз — это для нас уникальный пример. Ведь когда вы начинали интеграцию в НАТО, ваша армия использовала советскую стратегию и тактику, 70% ваших офицеров были выпускниками советских академий.

— *А польский опыт введения гражданского контроля над армией?*

— Я не сомневаюсь, что Украина может и должна идти польским путем. Мы знаем, что в Польше этот процесс был не из самых легких. Сотрудничество между гражданским министром обороны и генералитетом складывается не лучшим образом. У нас тоже существует традиция пренебрежения военных к гражданским лицам, и поэтому мы внимательно следим за тем, как этот гражданский контроль вводится в Польше.

Беседу вел Бартомиуш Венглярчик

gazeta

Юрий Щербак, писатель и знаток истории польско-украинских отношений, до ноября этого года был послом Украины в США, недавно вернулся в Киев, чтобы занять пост советника президента Кучмы по иностранным делам. Интервью было взято по-польски.

Ежи Сурдыковский

Америка Европы

Ежи Сурдыковский

АМЕРИКА ЕВРОПЫ

Поляки будут богатеть и сетовать

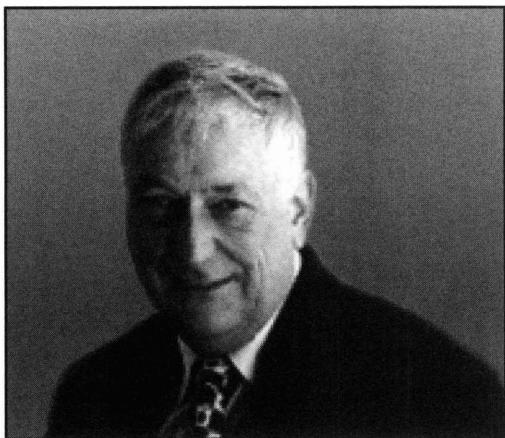

Фото Z. Furtman

Еще недавно казалось, что польская политика в глубочайшем провале. Деревенский атаман Анджей Леппер*, которому нечего предложить, кроме разрушения государства и рецидива социализма, согласно опросам общественного мнения, пользуется гораздо большими симпатиями, нежели профессор и посредник, образец спокойствия и вежливости премьер-министр Ежи Бузек. Свыше 80% опрошенных поляков утверждают, что не видят на политической сцене группы или партии, которая их представляет, а значит, им не за кого голосовать; несколько лет назад доля этих «бесхозных» избирателей не превосходила половины опрошенных.

Когда люди собираются голосовать за бывших коммунистов, а Лешек Миллер** примеряется к креслу премьера, ИДС («Избирательное действие Солидарность») вносит в Сейм законопроект о декоммунизации, запрещающий бывшим коммунистическим аппаратчикам (а значит, и самому Миллеру) занимать государственные должности в течение 10 лет. Трудно вообразить себе шаг,

Ежи Сурдыковский – журналист, публицист, дипломат. Автор множества публикаций на общественно – политические и экономические темы. Во время военного положения писал для подпольной печати, после 1989 года – автор ведущих польских газет и журналов. Был генеральным консулом РП в Нью –Йорке. Недавно назначен послом РП в Таиланде.

хоть нравственно и справедливый, но более противоречащий общественным настроениям, поскольку окончательный политический приговор выносит избиратель. Неужели в Польше, где власть предержащие не в состоянии ни притормозить склоки, ни произвести значимые перемены в кабинете, хотя их должна ужасать самая низкая с 1989 г. общественная поддержка правительству, единственный выход — народное восстание, к которому призывает Анджей Леппер?

О мирная деревня...

Я живу в горной деревне, которая, по Лепперу, должна быть бедной, мятежной и готовой к восстанию в защиту госзакупок, твердых цен, а может, и колхозов. Конечно, если всего лишь поговорить с любым соседом, сразу разольется поток нареканий и жалоб на то, что вытворяют «оны» за счет польского мужика. Конечно, в моей и соседней гминах безработица достигает 25%, что в нормальной стране должно быть поводом бить в набат, но здесь это интересует только войта [сельского старосту], который благодаря этому показателю получает дополнительные фонды на различные общественные работы. Обычные люди, даже если им

привести эти проценты, считают их не слишком достоверными цифрами, которыми и так манипулируют «они»; впрочем, люди показателями не интересуются — каждый занят своим.

Леппер восклицает: «По какому праву правительство призывает крестьян придерживать зерно до поздней осени, когда цены поднимаются? Крестьянам же негде его хранить!» Святая истина, хоть когда-то у любого польского крестьянина был овин. Интересно, что же нынче с оvinами случилось? Достаточно короткой прогулки по любой деревне, чтобы узнать то, о чем не имеют понятия ни атаман Леппер, ни министр сельского хозяйства. Первый с краю деревни крестьянин установил в своем овине маленьку лесопилку и распиливает стволы деревьев, тайком срубленных в государственном лесу. В трех других хозяйствах в овинах работают столярные мастерские, нигде, разумеется, не зарегистрированные и неизвестные налоговой службе: в одной делают мебель, в другой — главным образом оконные рамы, в третьей — транспортные сиды для какого-то немца. Еще один «безработный» принялся в своем овине сваривать металлоконструкции. Каждый из них не только сам трудится без устали, но и дает работу другим. Зато каждый жалуется на «них», которых сам выбрал в Сейм, и на налоги, которых и так не платит.

Если кто-то по-прежнему не понимает положения польской деревни (которая, по мнению Леппера, точит косы к восстанию), пусть пойдет на воскресную литургию и попросит разума у Господа Бога. Перед любой деревенской церквушкой он увидит, словно в Америке, огромную стоянку, полную автомобилей, где заурядные «Полонезы» или польские «Фиаты» — презренные Золушки. Вот польская деревня, вот вся Польша как в капле воды. Я поверю в безработицу, нужду и восстание только тогда,

когда в моем горном далеке желающие вскопать огород или привезти бревна из лесу сами будут стучаться в дверь, а не мне надо будет упрашивать сослужить службу занятых работой владельцев оштукатуренных домов и только что купленных машин. Разумеется, польская деревня будет по-прежнему браниться, сетовать, корить, проклинать, иногда даже блокировать дороги, а полные энергии парни по такому случаю с удовольствием подерутся с полицией. Но польская деревня не пойдет за Леппером, потому что ей уже есть что терять и она хорошо это знает, хотя этого, естественно, не знает налоговая служба.

Неужели польские правые не умеют управлять:

А кто же, как не польские умеренные правые, провели нашу страну через все ухабы и крутые повороты нежданных преобразований от коммунизма до капитализма на протяжении этого незабываемого и вместе с тем страшного десятилетия 1989-1999? Умеренные, разумные и антикоммунистические правые от Леха Валенсы и без нужды противопоставляемого ему Тадеуша Мазовецкого с наследовавшими Мазовецкому премьер-министрами: Яном Кшиштофом Белецким, Яном Ольшевским, Ханной Сухоцкой — и до управляющих сегодня государством Мариана Кшаклевского, Ежи Бузека и Лешека Бальцеровича. И как провели: от репутации вечного неудачника, «больного человека» Европы, который неспособен выдержать конкуренцию ни с Чехией, ни с Венгрией, ни даже с Восточной Германией, до сегодняшнего места несомненного лидера перемен, у которого следует учиться, как выпутываться из самых трудных ситуаций. Именно поляки показали, как преобразить коммунистическую дохлятину в нормальное хозяйство, не имея ни кредита доверия Запада, как чехи и

венгры, ни гигантской финансовой поддержки, как восточные немцы.

Каких бы еще ошибок и глупостей ни натворили польские правые, никому уже не перечеркнуть их заслуг, так как невозможно перечеркнуть 10 млрд. долл. в год, притекающих в нашу страну в форме иностранных капиталовложений: это происходит вот уже два года как зримое доказательство мнения западных банкиров и промышленников о том, что еще недавно там презрительно называли «*Polnische Wirtschaft*». Что бы дурного ни говорили сегодня польские левые о польских правых, как бы ни обиделся на них польский избиратель — а он, как известно, готов не колеблясь голосовать за СДЛ [«Союз демократических левых», бывшие коммунисты], — никто не имеет права усомниться в этом историческом успехе, в этом великом возвращении на Запад, в которое мало кто верил десять лет тому назад.

К сожалению, польские правые, во-первых, сварливы, как базарные торговки, во-вторых, так же, как те, не заботятся о своем облике, или по-новомодному — об «имидже», о «PR». А в-третьих — и это, вероятно, главное, — они сами себя не уважают. Не уважают своих лучших людей. Уже четвертая команда польских правых — отсчитывая от создания правительства Тадеуша Мазовецкого — на собственных ошибках учится искусству управления страной в бурном процессе преобразований, со сверх всяского удивления динамичной экономикой и непропорционально разочарованным обществом. Между тем, большинство людей из предыдущих правых команд, которые уже чему-то научились и познали горечь поражений, остаются неиспользованными. Все всему учатся с самого начала. Польша — страна, настолько богатая талантами и знаниями, что может себе позволить такое расточительство.

Будут ли левые править лучше?

Что показало правление левых в 1993-1997 гг.? Ответили ли они на требования, стоящие перед Польшей, продолжали ли дело необходимых реформ? Ничего подобного! Хвала им за то, что не слишком много напортили, что не осуществили демагогических обещаний, которые они щедро рассыпали накануне досрочных выборов 1993 г., что добroе мнение о Польше, на создание которого мы тяжко поработали в 1989-1993 гг., не было изодрано ипущено по ветру. Правление левых дало полякам четыре года передышки от перемен и реформ, так как в это время власть предержащие трудились главным образом над тем, чтобы все посты, дающие хоть какие-то корысти, занять своими людьми. Это был период потребления оздоровляющих плодов горького лечения, примененного к польской экономике Лешеком Бальцеровичем и его людьми, период все более мощного роста производства, начавшегося еще в 1992 г., притока первых значительных заграничных капиталовложений.

Поэтому, когда правые в 1997 г. вернулись к власти, они вынуждены были немедля приступить к новой волне реформ и преобразований, старт которым следовало дать еще четыре года назад. Более того, их пришлось проводить в более тяжелых, чем тогда, условиях — в период экономического застоя во всем мире, затрудняющего наш экспорт и тормозящего рост производства. Поэтому левые у польского избирателя ассоциируются с передышкой, а правые — с постоянными переменами и реформами, положительные результаты которых станут очевидны лишь через несколько лет. Для пациента, которому приходится идти к зубному врачу с запущенной, требующей болезненного лечения костоедой, левые — словно врач, применяющий обезболивание и говорящий утешительные слова, а правые вклю-

чают бормашину и предупреждают, что будет больно. Что ж с того, что их лечение успешно, если лечение левых приятнее. Вдобавок правый дантист непрерывно ссорится со своими помощниками, а левый анестезиолог не только умиленно обещает засыпать исторические рвы и заживить старые раны, но в удобный момент подкупает кого-нибудь из команды соперников — как недавно Анджея Целинского***, — чтобы пациенты, прежде поддерживавшие конкурента, чувствовали себя как дома. Так что ничего удивительного, если Мариан Кшаклевский, лидер таких правых, уже сегодня обречен на поражение на президентских выборах, а нынешний президент Александр Квасневский, четыре года начинавший карьеру в дурном ореоле обмана насчет своего образования и имущества, сегодня справедливо воспринимается большинством поляков как глава государства, хорошо представляющий страну и смягчающий споры.

Лети высоко, белый орел

Сила Польши — в человеке. Не в правительстве — оно всегда будет возбуждать неприязнь (как зубной врач) или презрение (как чересчур усердный анестезиолог). Поэтому я хвалю поляка таким, каков он есть: вечно разочарованный и сетующий, уклоняющийся от избирательной урны, зато рассказывающий сказки о том, как хорошо было при коммунистах, легкой рукой подхватающий не свое, изолгавшийся как в семье, так и в церкви или при составлении налоговой декларации. Но в то же время предпримчивый, ловкий до хищности, немилостивой судбою приученный, что надо брать все, что подвернется под руку, потому что завтра случай не повторится. Капитализм, особенно в своих начатках, — неэстетичное устройство, чему нас учит история любого капитализма, хоть бы американского. Эстетичным и моральным должен был быть со-

циализм — у него был единственный недостаток: он не функционировал, в результате чего и рухнул.

Почему, несмотря на всё худшие «рейтинги» сменяющих друг друга правительств и на всё более неприличные ссоры в Сейме, я вижу предстоящее Польше новое ускорение, новое расширение горизонтов? Польше — такой, какова она есть, полякам — таким, каковы они есть. Они будут богатеть и сетовать. И все меньше обращать внимания на то, что вытворяют их министры и депутаты. Здесь, над Вислой, — сегодня Америка старой Европы. Эти 10 млрд. долларов в год, предназначенных в последнее время западным капиталом на инвестиции в Польше, — результат расчета, элементы которого я представил выше. Другие его элементы — образованность, навыки, предпримчивость и умелость поляков при сравнительно невысоких зарплатах.

А нельзя ли было, чтобы все протекало красивей, нравственней и солидарней? Наверное, можно, и жаль, что так много сделано для того, чтобы все было поглупее, поズлобнее, побезобразней. Но времена, когда люди возносятся высоко и в красоте уподобляются ангелам, наступают редко и продолжаются недолго. Хорошо, что с нами вообще нечто такое случилось в незабываемых 1980-1981 гг., а затем в меньшем масштабе — в 1989-м. По крайней мере, нам есть что вспомнить, о чем помечтать. У других и этого нету. Если нынешних поляков поставить перед зеркалом, образ выйдет отталкивающий. Если оценивать горизонты Польши на пороге XXI века — более чем стимулирующий.

wprost

* Анджей Леппер — лидер радикальной крестьянской группировки «Самозащита».

** Лешек Миллер — лидер СЛДС.

*** Анджей Целинский — в прошлом один из ведущих политиков «Унии свободы».

Вацлав Вильчинский

Экономика или пансион?

Вацлав
Вильчинский

ЭКОНОМИКА ИЛИ ПАНСИОН?

Фото CAF-PAP

Вацлав Вильчинский – экономист, профессор Познаньского университета, постоянный комментатор экономической жизни в еженедельнике «Впрост».

Вальдемар
Кучинский

ВЗРЫВЧАТАЯ СМЕСЬ

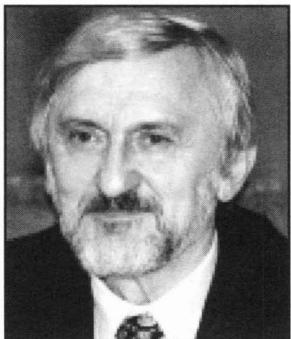

Фото J. Gutowski AGENCJA GAZETA

Вальдемар Кучинский – экономист, с 1980 года был экспертом профобъединения «Солидарность». Министр в первом некоммунистическом правительстве Т. Мазовецкого. Деятель Унии Свободы. Советник нынешнего премьер – министра Е. Бузека.

Требовать дополнительных денег, когда внутренний спрос растет быстрее, чем отечественное производство, – это похоже на экономическую диверсию.

Лозунг “Бальцерович должен уйти!” объединяет оппозиционеров всех мастей – от Анджея Леппера до профессора Кароля Модзелевского, человека, впрочем, заслуженного. Сразу напомним, что в своей статье “У кого отнять и кому отдать?” (“Газета выборчая” от 27.09.1999) проф. Модзелевский констатирует, что принципы либерализма “это не научные истины, а пропагандистские лозунги, (...) они невосприимчивы к опыту”. Зато, дескать, заботливые государства Западной Европы “свели бедность к минимуму”. Профессор явно не осознает того факта, что в течение последних 20 лет в США создано 30 миллионов новых рабочих мест (что позволило снизить безработицу до 4%), тогда как в Западной Европе уровень безработицы не опускается ниже 10%. А также того факта, что США, которые в последние десятилетия понесли наибольшие расходы на гонку вооружений, имеют сегодня бюджетный профицит, направляемый в огромной мере на социальные нужды, в то время как Западная Европа тонет в социальных долгах, и ей приходится отходить от прежней политики. Проф. Модзелевский не заметил также манифеста Блэра и Шредера. Он предпочел написать: “тот аргумент, что план Бальцеровича после периода

На вопросы о причинах драматического падения популярности правительства премьер отвечает, что, когда проводишь реформы, это нормально; это как дурной запах пота бегуна. Его нужно стерпеть, так как вот-вот будет установлен рекорд. Я пишу язвительно, но я поддерживаю это правительство. Я вижу его достоинства, но также, к сожалению, и самоубийственный механизм, запущенный обоими членами коалиции.

Протесты крестьян и других социальных групп — это проявления зрелищные, но не самые тревожные. Если бы речь шла только о них, можно было бы говорить о больших, но изолированных очагах социального возмущения. Гораздо тревожнее то, что существенное большинство общества одобряет акции протеста, нарушающие общественный порядок, и убеждено, что они должны оставаться безнаказанными.

Я не утверждаю, что этот потенциал дестабилизации возник при нынешнем правительстве, однако при нем он набрал силу. Причин здесь несколько, но я ограничусь той, которую считаю результа-

лишений привел к хозяйственному подъему и росту доходов, является статистически верным" (разрядка моя - В.В.). Это имеет более чем прозрачный смысл. При такой научной базе успехи оппозиционеров не удивительны. Для них все просто. Нужно больше денег, а их не желает давать хранитель общественных финансов. Бюджет должен гарантировать закупку скверных сельхозпродуктов по ценам ниже мировых. Тот же самый бюджет, разумеется, должен по-прежнему финансировать выплату крестьянам пенсий, что ежегодно обходится налогоплательщикам в 13-14 миллиардов злотых. Конечно же, бюджет должен и впредь покрывать миллиардные убытки угольных шахт, сохраняя эти "трупы" в живых и обеспечивая их работникам самые высокие зарплаты. Горняков ведь не интересует тот факт, что за каждую тонну угля, идущую на экспорт, налогоплательщики доплачивают несколько десятков злотых. Естественно, государство должно заказывать оружейникам изделия, которые уже никому не нужны, должно терпеть то, что металлурги не способны производить высококачественную сталь, из-за чего ее приходится импортировать, обязано сохранять разваливающиеся сахарные заводы, поскольку это ценное национальное достояние. И все это притом, что бюджетный дефицит равен сумме, идущей на дотирование крестьянских пенсий, и при социальном долге порядка 250 миллиардов злотых.

Да уж, легче всего просто не принимать к сведению ни фактов, ни состояния науки о деньгах и общественных финансах. Лучше притвориться, будто знать не знаешь о том, что Западная Европа отходит от протекционистской социальной политики, прежде всего в сельском хозяйстве. А взамен откопать на свалке так называемую теорию "сухой губки", согласно которой денежное "насыщение" экономики достигается за счет наращивания бюджетного дефицита и снижения процентных ставок. Все это было бы прекрасно, если бы было правдой и давно уже не было опровергнуто печальным опытом. Требовать дополнительных денег, когда внутренний спрос растет быстрее, чем отечественное производство, когда спрос финансируется быстро растущим потребительским кредитом, направляемым в основном на импортные товары, - это похоже на экономическую диверсию.

wprost

том действий правительства и коалиции. Это столкновение двух сверхприоритетов: ИАС («Избирательная акция Солидарность») — четыре реформы одновременно — и «Унии свободы» — уменьшение бюджетного дефицита. И то, и другое необходимо, как в природе необходимы кислород и водород, но, когда они сталкиваются, возникает взрывчатая смесь. Ошибка, нелегко поддающаяся исправлению, состояла в столкновении обоих сверхприоритетов, тогда как они должны были следовать один за другим.

Если было принято снижение бюджетного дефицита с 2,8% ВВП в 1998 г. (по закону о бюджете) или с 2,6% ВВП (по исполнению бюджета) до 2,15%, то социальные реформы следовало проводить не одновременно. Раз это не было сделано, то следовало надлежащим образом приспособить бюджетную политику и, например, решить, что в 1999 г. дефицит останется на уровне исполнения бюджета в минувшем году, т.е. на уровне 2,6% ВВП. Это дало бы дефицит в размере 15,5 млрд. злотых, который можно было бы финансировать из отечественных источников (в прошлом году отечественное финансирование дефицита составило 16,5 млрд. злотых).

Я также не думаю, чтобы исполнились прогнозы о крахе мировой экономики. Так что, может быть, пересматривать бюджет не понадобится.

Я больше боюсь того, что нельзя будет избежать пересмотра бюджета под на jakiom социальных волнений и что этот пересмотр может выйти за пределы разумного.

gazeta

Вальдемар Кучинский

Взрывчатая смесь

Вацлав
Вильчинский

ЭКОНОМИКА ИЛИ ПАНСИОН?

Фото CAF-PAP

Вацлав Вильчинский – экономист, профессор Познаньского университета, постоянный комментатор экономической жизни в еженедельнике «Впрост».

Вальдемар
Кучинский

ВЗРЫВЧАТАЯ СМЕСЬ

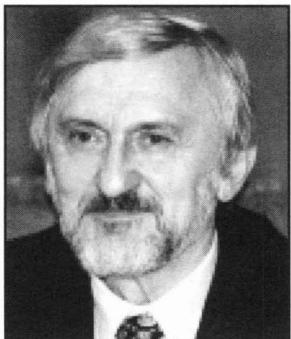

Фото J. Gutowski AGENCJA GAZETA

Вальдемар Кучинский – экономист, с 1980 года был экспертом профобъединения «Солидарность». Министр в первом некоммунистическом правительстве Т. Мазовецкого. Деятель Унии Свободы. Советник нынешнего премьер – министра Е. Бузека.

Требовать дополнительных денег, когда внутренний спрос растет быстрее, чем отечественное производство, – это похоже на экономическую диверсию.

Лозунг “Бальцерович должен уйти!” объединяет оппозиционеров всех мастей – от Анджея Леппера до профессора Кароля Модзелевского, человека, впрочем, заслуженного. Сразу напомним, что в своей статье “У кого отнять и кому отдать?” (“Газета выборчая” от 27.09.1999) проф. Модзелевский констатирует, что принципы либерализма “это не научные истины, а пропагандистские лозунги, (...) они невосприимчивы к опыту”. Зато, дескать, заботливые государства Западной Европы “свели бедность к минимуму”. Профессор явно не осознает того факта, что в течение последних 20 лет в США создано 30 миллионов новых рабочих мест (что позволило снизить безработицу до 4%), тогда как в Западной Европе уровень безработицы не опускается ниже 10%. А также того факта, что США, которые в последние десятилетия понесли наибольшие расходы на гонку вооружений, имеют сегодня бюджетный профицит, направляемый в огромной мере на социальные нужды, в то время как Западная Европа тонет в социальных долгах, и ей приходится отходить от прежней политики. Проф. Модзелевский не заметил также манифеста Блэра и Шредера. Он предпочел написать: “тот аргумент, что план Бальцеровича после периода

На вопросы о причинах драматического падения популярности правительства премьер отвечает, что, когда проводишь реформы, это нормально; это как дурной запах пота бегуна. Его нужно стерпеть, так как вот-вот будет установлен рекорд. Я пишу язвительно, но я поддерживаю это правительство. Я вижу его достоинства, но также, к сожалению, и самоубийственный механизм, запущенный обоими членами коалиции.

Протесты крестьян и других социальных групп — это проявления зрелищные, но не самые тревожные. Если бы речь шла только о них, можно было бы говорить о больших, но изолированных очагах социального возмущения. Гораздо тревожнее то, что существенное большинство общества одобряет акции протеста, нарушающие общественный порядок, и убеждено, что они должны оставаться безнаказанными.

Я не утверждаю, что этот потенциал дестабилизации возник при нынешнем правительстве, однако при нем он набрал силу. Причин здесь несколько, но я ограничусь той, которую считаю результа-

лишений привел к хозяйственному подъему и росту доходов, является статистически верным" (разрядка моя - В.В.). Это имеет более чем прозрачный смысл. При такой научной базе успехи оппозиционеров не удивительны. Для них все просто. Нужно больше денег, а их не желает давать хранитель общественных финансов. Бюджет должен гарантировать закупку скверных сельхозпродуктов по ценам ниже мировых. Тот же самый бюджет, разумеется, должен по-прежнему финансировать выплату крестьянам пенсий, что ежегодно обходится налогоплательщикам в 13-14 миллиардов злотых. Конечно же, бюджет должен и впредь покрывать миллиардные убытки угольных шахт, сохраняя эти "трупы" в живых и обеспечивая их работникам самые высокие зарплаты. Горняков ведь не интересует тот факт, что за каждую тонну угля, идущую на экспорт, налогоплательщики доплачивают несколько десятков злотых. Естественно, государство должно заказывать оружейникам изделия, которые уже никому не нужны, должно терпеть то, что металлурги не способны производить высококачественную сталь, из-за чего ее приходится импортировать, обязано сохранять разваливающиеся сахарные заводы, поскольку это ценное национальное достояние. И все это притом, что бюджетный дефицит равен сумме, идущей на дотирование крестьянских пенсий, и при социальном долге порядка 250 миллиардов злотых.

Да уж, легче всего просто не принимать к сведению ни фактов, ни состояния науки о деньгах и общественных финансах. Лучше притвориться, будто знать не знаешь о том, что Западная Европа отходит от протекционистской социальной политики, прежде всего в сельском хозяйстве. А взамен откопать на свалке так называемую теорию "сухой губки", согласно которой денежное "насыщение" экономики достигается за счет наращивания бюджетного дефицита и снижения процентных ставок. Все это было бы прекрасно, если бы было правдой и давно уже не было опровергнуто печальным опытом. Требовать дополнительных денег, когда внутренний спрос растет быстрее, чем отечественное производство, когда спрос финансируется быстро растущим потребительским кредитом, направляемым в основном на импортные товары, - это похоже на экономическую диверсию.

wprost

том действий правительства и коалиции. Это столкновение двух сверхприоритетов: ИАС («Избирательная акция Солидарность») — четыре реформы одновременно — и «Унии свободы» — уменьшение бюджетного дефицита. И то, и другое необходимо, как в природе необходимы кислород и водород, но, когда они сталкиваются, возникает взрывчатая смесь. Ошибка, нелегко поддающаяся исправлению, состояла в столкновении обоих сверхприоритетов, тогда как они должны были следовать один за другим.

Если было принято снижение бюджетного дефицита с 2,8% ВВП в 1998 г. (по закону о бюджете) или с 2,6% ВВП (по исполнению бюджета) до 2,15%, то социальные реформы следовало проводить не одновременно. Раз это не было сделано, то следовало надлежащим образом приспособить бюджетную политику и, например, решить, что в 1999 г. дефицит останется на уровне исполнения бюджета в минувшем году, т.е. на уровне 2,6% ВВП. Это дало бы дефицит в размере 15,5 млрд. злотых, который можно было бы финансировать из отечественных источников (в прошлом году отечественное финансирование дефицита составило 16,5 млрд. злотых).

Я также не думаю, чтобы исполнились прогнозы о крахе мировой экономики. Так что, может быть, пересматривать бюджет не понадобится.

Я больше боюсь того, что нельзя будет избежать пересмотра бюджета под на jakiom социальных волнений и что этот пересмотр может выйти за пределы разумного.

gazeta

Петр Вежбицкий

Пугало либерализа

Петр Вежбицкий

ПУГАЛО ЛИБЕРАЛИЗМА

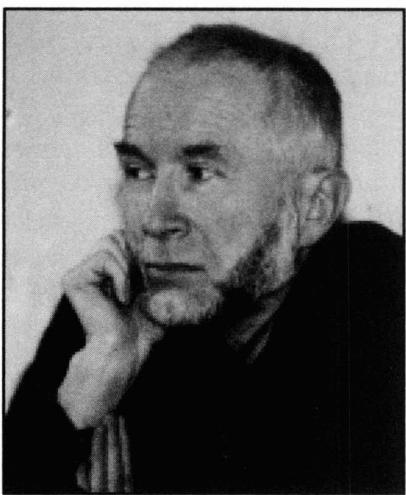

Фото САФ-РАР

Петр Вежбицкий – известный публицист. Долгое время печатался в католическом еженедельнике «Тыгодник повиехны». В настоящее время – главный редактор еженедельника «Газета Польска», отражающего взгляды правых политических сил.

На моих глазах и под самым моим носом к репертуару традиционно бранных слов, употребляемых в политических потасовках - таких, как “клерикал”, ”масон”, ”эндек”¹, - постепенно приплусовывается новое: “либерал”. Хочешь доказать, что кто-то ужасный бяка, что он желает зла своей родине, жаждет разорить ее, лишить суверенитета и пустить по миру своих сограждан, - обзови его либералом и все, больше ничего не требуется, на твоей жертве можно поставить крест. Хочешь продемонстрировать свою непреклонность, прямолинейность, свое рвение, наконец, свой патриотизм - костишь налево и направо либералов всех мастей, иногда называя их либеральными демократами, чтобы подчеркнуть еще одну особенность этой злодейской породы. Но лучше всего послужит тебе этот “либерал” для доказательства твоей непоколебимой, абсолютно неоспоримой принадлежности к правым. Если кто-то сомневается в этом, если подозревает тебя в симпатиях к левым, внимательно присматривается к твоей фамилии и - что небезопасно - начинает копаться в твоем прошлом - принимайся размахивать налево и направо “либералами”, поугрожай “либеральным демократом”, и ты уже вне подозрений, ты уже самый что ни есть правый.

Мне определенно пора заняться самокритикой, обнаружить свои ложные взгляды, признаться в скандальной неблагонадежности, ибо по моему разумению “либерал” - и на этом я настаиваю - вовсе не оскорбление, а напротив - комплимент, потому что живу я в Европе, употребляю это понятие в его европейском, а не американском значении. У меня оно ассоциируется не с апологией всякого рода извращений и иными безумствами политкорректности, но с традицией Адама Смита, Рональда Рейгана, Маргарет Тэтчер, с идеей общества, которое государство не пытается

осчастливить, которое не зависит от паразитического класса чиновничества и является обществом личностей, свободных личностей. Понятие "либерал" я связываю с идеей свободы как высшей идеей, которая упорядочивает отношения в обществе, с идеей экономической свободы, а также гражданских свобод, определяющих отношения в системе образования, просвещения, в области культуры, службы здоровья и т. д. И в соответствии с этой традицией, по моему разумению, именно капитализм, чистый капитализм, капитализм без государственного сектора и без всяких уступок, без министерства экономики и без государственного распределения, капитализм, которому сопутствуют многочисленные формы частной благотворительности - наилучший рецепт не только благополучия государства, но и борьбы с убожеством, нищетой, уродствами общественной жизни.

И тут обнаруживается, что это - наистрашнейшая ересь, и чтобы новоявленные суровые судьи правого толка не обвинили меня в левом уклоне, я должен эти свои взгляды подкорректировать, улучшить, придать им гуманности, обогатить чем-нибудь из Ленина, или хотя бы из Плеханова, добавить кое-что из Минца или, на худой конец, из Гомулки, из Альенде, Мандэлы, Мао или Менгисту - того самого, из Эфиопии, который за считанные годы умудрился уничтожить сельское хозяйство большой страны, словом, ради улучшения собственной репутации "человека правых взглядов" я должен эти самые взгляды несколько "окоммунистичить" или хотя бы "осоциалистичить".

Итак, признаюсь, я, очевидно, еще до такого не дорос. Для первоспитания меня надо направить в какой-нибудь лагерь, на курсы патриотической экономики - ведь я, задумываясь над всем этим, никак не возьму в толк, почему моя гражданская обязанность - посвятить жизнь тому, чтобы прядильщицы и доярки содержали нерентабельные рудники, и почему главным свидетельством моего патриотизма должна быть борьба за повышение налогов.

Со мной во что бы то ни стало надо провести работу: в то время как новоявленные правые пророки учат меня, что либерализм для Польши - гибель, я, напротив, вижу причины самых серьезных ошибок и гнусностей в III Речи Посполитой не в избытке либерализма, а в его нехватке. Три четверти крупного частного бизнеса, возникшего в Польше на переломе 80-90-х годов, это не результат кропотливой работы

Рис. J. Kaczmarek, RZECZPOSPOLITA

коммерсантов и фабрикантов или находчивости изобретателей, это результат грабежа государственной собственности активистами ПОРП и “гебешниками”. Что здесь общего с либеральным принципом свободной конкуренции? Потом этот преступный бизнес в течение ряда лет кормился банковскими кредитами, предоставляемыми коллегам их коллегами - что тут общего со священным законом либеральной экономики, который гласит, что в свободном соревновании выигрывают лучшие, самые способные, наиболее предприимчивые? Десять лет велась борьба с идеей реприватизации - что это за либерал, если он не уважает право собственности? Чтобы исключить риск изъятия имущества, захваченного номенклатурными ворами, придумано такое понятие как “верховенство закона” (мол, нельзя отбирать - это противозаконно) - где это слыхано, чтобы в странах с либеральной экономикой на государственном уровне изобреталось новое понятие, призванное покрывать воров? В Польше нет свободного рынка рекламы, по странному стечению обстоятельств в какие-то средства массовой информации реклама попадает, а в какие-то нет; не сомневаюсь, что пока я не выступлю в “Газете Польской” в защиту некой подозрительной политической или экономической группировки, рекламодатели будут относиться ко мне с недоверием. Разве возможно что-либо подобное во Франции, в Бельгии, в США? Когда осенью 1989 года оказалась в затруднительном положении “Трибуна Люду”, премьер Мазовецкий лично заверил, что не допустит гибели этой газеты. Разве в государствах, где у власти либералы, премьеры занимаются спасением партийных газет? Парламентская партия, представляющая профсоюзы, чтобы подлизаться к избирателям, неустанно хлопочет о сохранении всевозможных налоговых льгот, а воюющий с этой партией министр финансов устанавливает в соответствии с законом налоговые льготы по своему усмотрению и даже освобождает от налогов некоторые фирмы, которые ему по душе, - возможно ли такое в нормальной стране либерального Запада?

Воистину дивная картина либеральных порядков! Аж зло берет. И зря: злиться надо совсем по другому поводу: оттого, что профсоюз не устанавливает цены, оттого, что трудовые коллективы не управляют предприятиями, а всей экономикой манипулирует фокусник, который обещает раздать поровну все имущество и богатства страны трудовому люду городов и весей.

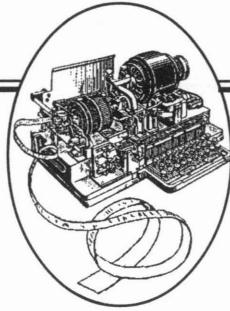
GAZETA POLSKA

---

¹ Член Национально-демократической партии (эндеция)

Виктор Кулерский

Хроника (некоторых) текущих событий

Виктор Куллерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

§ Пять процентов проживающей в Польше молодежи предпочло бы жить в другой стране. В 1987 г. эта часть молодежи составляла 40% (проф.Ханна Свида-Земба; газета "Жечпосполита" от 12 ноября 1999г.).

§ "То, что мы определяем трудным словом "трансформация", можно свести к трем понятиям:

- от слабой и обесцененной национальной валюты - к валюте сильной;
- от отсутствия товаров - к миру полных прилавков;
- от системы имитации труда - к системе качественного труда и качественных решений. (...)

Я знал, что мне за это придется заплатить падением личной популярности. Такова судьба почти всех реформаторов. (...) Сегодня мне задают тот же вопрос: а стоит ли? (...) Чтобы объективно оценить то, чего нам удалось достигнуть, достаточно сравнить Польшу с теми странами, которые в 1989 г. находились в ситуации, похожей на нашу" (Лешек Бальцерович; еженедельник "Впрост" от 24 октября 1999 г.).

§ Рекордное падение курса золотого до 4,32 зл. за доллар и отказ ряда иностранных инвесторов от сотрудничества с польскими партнерами последовали за слухами о намерении министра финансов и вице-премьера Лешека Бальцеровича уйти в отставку. Ситуация начала стабилизироваться, когда оказалось, что Бальцерович не собирается уходить из правительства.

§ Финансовый результат деятельности частных предприятий составил в 1998 г. 9,3

млрд злотых. прибыли (около 2,2 млрд долларов США) "брутто". Общественный сектор экономики принес убыток в размере 3,8 млрд зл. (по данным Главного статистического управления).

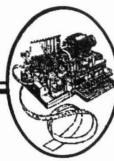
§ Меняется Польша, ее экономика и общество. Не меняется одно: как и в начале преобразований, (...) крестьяне ожидают, что государство будет играть решающую роль в регулировании цен на сельхозпродукты, (...) что им будут гарантированы высокие доходы и протекция на рынке" (Роман Ягелинский, крестьянин, бывший министр сельского хозяйства и вице-премьер в период коалиции СДРП-ПКП; еженедельник "Впрост" от 17 октября 1999 г.).

§ "Существует опасность того, что мы перестанем быть крупнейшим экспортёром яблочного концентратата. (...). Яблоки у отечественных садоводов все лучше - но они годятся для потребления, а не для переработки" (еженедельник "Впрост" от 24 октября 1999 г.).

§ Половина поляков их заработков хватает на жизнь, 9% живут в долг (по данным агентства IQS and QUAND Group).

§ Качество и уровень жизни работающих в Варшаве - те же, что и в Москве, констатируют представители крупнейших иностранных фирм ("Газета выборчая" от 21 октября 1999 г.).

§ Рост уголовной преступности с января по май 1999 г. составил 9%. Раскрываемость составляет 47% (в Варшаве - 16%). Самыми коррумпированными учреждениями, по

данным Центра исследований общественного мнения, считаются суд и прокуратура. Согласно опросу Лаборатории социальных исследований, проведенному для газеты "Жечпосполита", 78 % поляков полагают, что преступность угрожает им непосредственно.

По данным Центра им. Адама Смита (независимого научно-исследовательского института), Польша ограничивается устраниением наиболее очевидных препятствий на пути своего развития и кадровыми перетасовками вместо того, чтобы строить политico-экономический порядок и демократическое государство с опорой на рыночную экономику.

Комиссия общественных финансов Сейма после длительной дискуссии единогласно высказалась за освобождение от налога на добавленную стоимость услуг, оказываемых общественными туалетами. "Содержание уборных убыточно, а в уборных, перепрофилированных в точки общепита гарантируется доступность туалетов", - заявил представитель варшавского Городского ассенизационного предприятия Эугениуш Гура ("Газета выборча" от 14 октября 1999 г.).

Польша заняла 29-е место среди 149 стран, исследованных с точки зрения степени демократизации общественной жизни. На первом месте - Дания, на втором - Новая Зеландия, на третьем - Швеция, на четвертом - Норвегия, на пятом - Швейцария, на шестом - Финляндия, и далее: 11 - США, 14 - Великобритания, 15 - Германия, 20 - Франция, 104 - Россия (по данным World Audit).

60 польских цыган попросили убежища в Финляндии, а еще 400 - в Великобритании. Как сообщил председатель Польского общества цыган Роман Квятковский,

причиной является дискриминация. "В Польше к нам относятся, как к гражданам второго сорта", - заявил представитель Высшего Совета цыган в Польше Адам Андриш ("Газета выборча" от 13 октября, еженедельник "Впрост" от 24 октября 1999 г.).

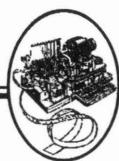
Начиная с 17 октября 1999 г. приговоры Конституционного суда являются окончательными. Сейм утратил право их обжалования. Суд выносит решения по делам о соответствии законов и постановлений конституции и международным договорам, по спорам о компетенции между государственными органами, по конституционным жалобам, внесенным гражданами, по вопросам о соответствии конституции деятельности политических партий.

Польша - стабильная парламентской демократией, и ее политические институты действуют четко, - признала Европейская комиссия в своем ежегодном докладе, опубликованном 13 октября 1999 г.

Варшавой управляет 20 районных правлений и советов, 750 депутатов и четырех ступенчатый муниципалитет (в польском Сейме 460 депутатов).

"С прошлого года в судах находится 1,9 миллиона дел, по которым предстоит вынести решения, а время, необходимое для рассмотрения каждого из них, составляет в среднем пять месяцев", сообщает Иоахим Яник, председатель окружного суда в Ополе (еженедельник "Впрост" от 10 окт. 1999 г.).

Богуслав Багсик, главный обвиняемый в процессе по делу о хищении из польской банковской системы 420 миллионов злотых (около 100 миллионов долларов США), совершенном с использованием лакун в банковском праве. Благодаря помощи

Интерполя Багсик, арестованный в Швейцарии и переданный польским властям, а затем освобожденный под залог 2 млн. зл., стал председателем одного из акционерных обществ с участием государства (Агентство ПАП). Багсик – также лауреат премии, установленной известным польским писателем Стефаном Киселевским „для самых находчивых предпринимателей”

§ В Польше дают взятки 35% фирм, в Венгрии - 31%, в Чехии - 26,3%, в Азербайджане - 60%. Таковы данные Европейского банка реконструкции и развития (“Газета выборчa” от 9 ноября 1999 г.).

§ “В Польше перестали наказывать за разбазаривание общественных денег. (...) А за бесхозяйственностью часто кроется коррупция. (...) То, что наказанию подлежит как тот, кто берет взятку, так и тот, кто ее дает, - решение неудачное. (...) Если бы за дачу взятки не грозило наказание, поднялась бы такая волна доносов, что это парализовало бы работу учреждений”, - таково мнение Януша Войцеховского, председателя Верховной контрольной палаты (газета “Жечпостолита” от 5 октября 1999 г.).

§ “Партии разорвали Польшу на куски. (...) В органах самоуправления со всей очевидностью проявился политический консенсус между властью и оппозицией. Это консенсус в деле разграбления страны. Власть и оппозиция вроде бы борются друг с другом (...), но как только дело доходит до серьезных вещей - денег, собственности, доходов, - воцаряется тишина да гладь и господствует дух согласия”, - утверждает Александр Смоляр, бывший советник премьера Тадеуша Мазовецкого (“Газета выборчa” от 25-26 сентября 1999 г.).

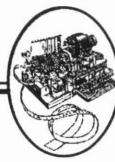
§ “Польша вновь обрела независимую государственность, она руководствуется своими интересами, но значительная часть граждан подсознательно, словно повинуясь дурному мыслительному стереотипу, относится к собственному государству, как к врагу. (...) Может ли в длительной перспективе уцелеть государство, с которым значительная часть его граждан борется, как с врагом?” - Ян Новак-Езеранский (“Газета выборчa” от 23-24 октября 1999 г.).

§ Антидепрессивные (улучшающие самочувствие) фототерапевтические лампы польского производства “Фотовита” уже можно приобрести в магазинах по цене около 1000 зл. (225 долларов США) за штуку, - сообщает читателям “Жечпостолита”.

§ В итоговом докладе Верховной контрольной палаты охранные агентства, общей численностью около 250 тысяч сотрудников, названы “негосударственными вооруженными формированиями”. Многие „охранники“ совершают разбойные нападения, кражи со взломом, избивают и незаконно преследуют людей. Арестован владелец одного из агентств, оказавшийся сотрудником российской военной разведки ГРУ.

§ Ракеты “земля-воздух”, макеты ракет, пусковые установки и более 400 детонаторов украшены с завода металлоизделий “Меско” в Скаржиско-Каменна. Информация о количестве и типах ракет противоречива. Упоминаются 6 ракет “Стрела-2М”, ракета “Гром” и российская ракета “Игла”. Полиция уже сумела вернуть пять ракет, брошенных в недалеком лесу.

§ Шестеро мужчин украли полмиллиона презервативов. Половина возвращена владельцу при содействии полиции.

§ Приходский священник Юзеф К. из Гливиц напал на костел приходского священника Цезария Аннусевича в Гданьске с целью похищения чудотворного образа Милосердной Матери Божией.

§ 80% поляков оценивают коммунизм отрицательно, а 10% - положительно; в России эти цифры составляют, соответственно, 41% и 35%, - сообщают "Газета выборчика" и "Общая газета" ("Газета выборчика" от 4 ноября 1999 г.).

§ "Почему поляки так часто бунтовали? (...) Те, кто подавлял эти бунты, тоже были поляками. И не только коммунисты, стоявшие на вершине власти. Отсюда, в частности, проблемы поляков с коммунизмом. (...) Такое положение сохранялось более четырех десятилетий, т.е. при жизни нескольких поколений, причем миллионы поляков были и по одну, и по другую сторону. (...) Так что для многих расчет с коммунизмом - это расчет с самим собой" - проф. Анджей Пачковский ("Жечпосполита", 16-17 октября 1999 г.).

§ "Какими же могут быть отношения между Польшей и Россией? Только хорошими, выгодными для обеих сторон. Даже если в обеих наших странах бюрократы, которых интересует только собственная карьера, власть, деньги, будут пытаться играть на каких-то конфликтах, нас не удастся поссорить. (...) Если я сторонник свободы собственной страны и ее граждан, то я желаю того же любому другому народу. (...) Давно пора наши прежние споры оставить истории. И заняться будущим" - Александр Яковлев ("Газета выборчика" от 15 октября 1999 г.).

§ В Вилькоцине (Нижняя Силезия) бункер, оставшийся после вывода советских войск (100 помещений на двух уровнях общей площадью 2,5 тысячи кв.м) приспособлен для зимней спячки четырех видов летучих

мышей. Расходы покрыла ООН (Агентство ПАП).

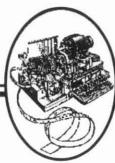
§ Окружной суд в Люблине предписал вернуть владельцу национализированное в 1944 г. собрание редких книг (7783 тома), принадлежавшее некогда аристократическому семейству Замойских.

§ Шестеро бывших офицеров Службы безопасности, обвиняемых в том, что они в 1989-1990 г. уничтожали дела из архива СБ, предстали перед судом в Варшаве.

§ Генеральный консул Республики Польша в Львове принял участие в захоронении останков жертв НКВД. Около трети убитых были поляками.

§ Как утверждает князь Володымир Массальский, предводитель киевского Дворянского собрания, поляки составляли 40% дворян европейской части России (официальные данные 1897 года). Теперь в бывшей Киевской губернии от двух миллионов дворян осталось человек сто. "Сегодня правят люди, безусловно, не принадлежащие к благородному сословию. А править и управлять без опоры на нравственные принципы - значит, вести дело к катастрофе. (...) Дворяне не воровали и не мошенничали", - сказал Массальский (газета "Жечпосполита" от 1 октября 1999 г.).

§ Конференция "Посткоммунистическая Европа сегодня и завтра", организованная российским ежеквартальным журналом "Континент" при участии Варшавского университета и "Газеты выборчей", состоялась 25-26 сентября в Варшаве. Проф. Андрей Зубов из Российской Академии Наук отметил в своем докладе: "Величайшая тяжесть для России - не устаревшая экономика и не "цивилизационная отсталость", а угасание основных моральных критериев у граждан страны".

❷ О туризме в Российской Федерации: “На востоке, особенно в азиатской части России, ты неприосновенен. Люди сделают все, чтобы с тобой ничего не случилось. На помощь не поспеют даже уголовники. (...) В Сибири туристу помогут и жители, и представители местных властей” (еженедельник “Впрост” от 26 сент. 1999 г.).

❷ Сольный концерт Станислава Бунина в Варшаве открыл цикл мероприятий, приуроченных к празднованию 150-летия со дня смерти Фридрика Шопена. Председатель московского Шопеновского общества Михаил Александров удостоен Золотого Креста заслуги; награду вручил посол Польши в Российской Федерации.

❷ “Сегодня все труднее понять, как случилось, что за первые двадцать лет после смерти Сталина в СССР было издано столько замечательных книг. А также то, что и в Польше их читали тысячи людей. (...) Сегодня современная русская литература - за немногими исключениями - не находит в Польше читателя, словно конец коммунизма лишил ее какой-либо ценности” - Александр Качоровский (“Газета выборча” от 2-3 октября 1999 г.).

❷ Председатель Комиссии по иностранным делам Сейма депутат Чеслав Белецкий, главный редактор ежемесячника “Новая Польша” проф. Ежи Помяновский и председатель клуба “Мир книги” Анджей Костарчик провели презентацию польского издания книги Александра Солженицына “Россия в обвале” в новом Доме депутатов при Сейме.

❷ Премьера польского фильма “Огнем и мечом” Ежи Хоффмана по роману Генрика Сенкевича с овациями принята в Киеве. Два года назад украинских актеров, занятых в фильме, обвиняли в измене. “Я сделал “Огнем и мечом” не для того, чтобы

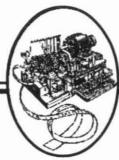
ухудшить польско-украинские отношения, а для того, чтобы их улучшить”, - сказал Ежи Хоффман. С таким же энтузиазмом была встречена в Вильнюсе премьера фильма “Пан Тадеуш” Анджея Вайды по поэме Адама Мицкевича, а в Москве - польский мюзикл “Метро” (либретто Агаты и Марии Миклашевских, композитор Януш Стоклоса, режиссер Януш Юзефович), сыгранный русскими непрофессиональными актерами. Российская печать, как правило, замалчивает польское происхождение мюзикла.

❷ „Венера из Вильчиц“ вырезана из бивня мамонта (ее высота - 7 см). Возраст - 15 тысяч лет. Впервые в Польше найдена женская фигурка каменного века, подобная известным ранее скульптурам из Франции, Австрии (знаменитая „Виллендорфская Венера“), Бельгии, Италии, Моравии, Германии, России и Украины.

❷ Beata Maksymowa по прозванию “Малютка из Вроцлава” (32 года, 78 кг) вторично выиграла первенство мира среди женщин по дзюдо. Тренировки Beata проводит с мужчинами, поскольку среди женщин у нее нет подходящих спарринг партнеров.

❷ В конкурсе работ молодых ученых, проведенном Европейским Союзом, отличились двое 19-летних поляков из Познани: Михал Козакевич (первое место) и Мацей Вальчак (третье).

❷ “Почему на железнодорожных вокзалах так грязно?” - спросила “Газета выборча” директора Польской государственной железной дороги. “Чистота в туалетах зависит от пассажиров. Что касается мусора, то люди часто его просто подбрасывают”, - ответил директор.

§ Комиссар Евросоюза по вопросам охраны окружающей среды упрекнул Польшу в том, что она ничего не сделала для того, чтобы ввести у себя действующие в ЕС экологические стандарты.

§ Из числа 400 миллионов алюминиевых банок с напитками, которые ежегодно продаются в Польше, лишь 3-7% подвергаются утилизации. В Швеции - 91%.

§ Так и не найден польско-британский владелец брошенной шахты по добыче серы неподалеку от курорта Горынец. С формально-правовой точки зрения, шахты не существует, тем не менее она угрожает курорту взрывом сероводорода и фонтанированием глубинных вод из 100 скважин (газета "Жечпосполита" от 2 ноября 1999 г.).

§ Состояние лесов в Польше хуже, чем в Белоруссии. По данным Европейской Комиссии, часть польских лесов, из-за нанесенного им ущерба, не очищает воздух и воду (газета "Жечпосполита" от 9-10 октября 1999 г.).

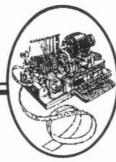
§ 130 тысяч человек подписали гражданский проект закона об исключении лесов, недр, вод и национальных парков из процесса приватизации. Это первый в истории Польши законопроект, внесенный гражданами (газета "Жечпосполита" от 5 октября 1999 г.).

§ Членство в Европейском Союзе повсеместно стимулирует. (...) Перспектива вступления в ЕС побуждает и Польшу двигаться вперед", - считает возглавляющий коллектив советников президента Александра Квасьевского проф. Марек Белька, бывший вице-премьер и министр финансов ("Газета выборча" от 9 ноября 1999 г.).

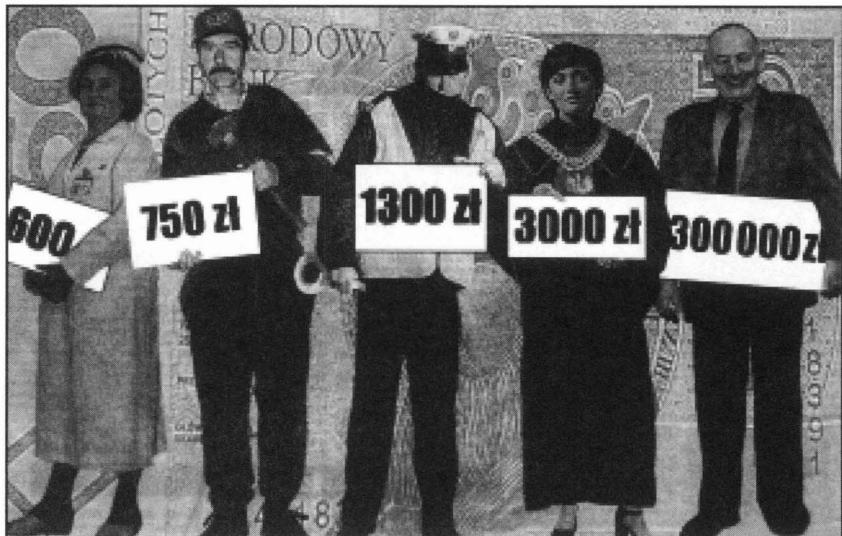
§ "Европейский Союз диктует свои требования. (...) Недавно в деревенском баре я слышал разговор крестьян: "Так что, мне теперь эту корову - мыть, как женщину, что ли?"" - Павел Слевак, социолог (газета "Жечпосполита" от 6 октября 1999 г.).

§ Число поляков, поддерживающих интеграцию в Европейский Союз, впервые упало ниже 50% - с 64% в феврале 1998 г. до 46% в сентябре 1999 г. - данные Института общественных проблем.

§ Найденная на полуострове Хель полуторамесчная тюлениха Прима, которую приютили сотрудники Морской станции Гданьского университета, за 6 месяцев набрала вес 40 кг и стала вполне самостоятельной. Ее выпустили на свободу. На следующий день она погибла, запутавшись в рыбакских сетях. (О судьбе Примы постоянно информировала "Газета выборча").

ПРИЛИЧНО ЛИ ПРИЛИЧНО ЗАРАБАТЫВАТЬ?

❖ ❖ ❖

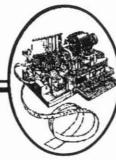
Во времена Сейма первого созыва после победы „Солидарности” в 1989-1991 гг. „заоблачными” мы называли зарплаты и пенсии партийных бонз и государственных чиновников высокого ранга, возраставшие еще и за счет различных надбавок. Уровень их превосходил любое воображение и был тайной для рядовых граждан. Я сам был поражен их величиной, когда эти цифры были преданы огласке во время дебатов в Сейме. В стране тогда безумствовала гиперинфляция. Товары отсутствовали, магазинные полки зияли пустотой, а там, где появлялись какие-то предметы первой необходимости, немедленно выстраивалась очередь из желающих приобрести товар. В рамках широкой акции по спасению государственной казны, объявленной после того, как было сформировано первое некоммунистическое правительство Тадеуша Мазовецкого, проводились аукционы, публичный сбор средств, имело место добровольное самоналообложение, поступали бесчисленные дары в виде остатков семейных драгоценностей и других ценных памятных предметов, которые удалось уберечь от пожара войны и послевоенных изъятий.

В то время мы, депутаты от „Солидарности”, добились законодательного снижения самых высоких зарплат и пенсий, урезав их до уровня, не превышающего трехкратной средней

зарплаты по стране; отменили и надбавки для привилегированных. Оплата нашей депутатской деятельности была невысокой, тем не менее, все предложения о повышении ее были депутатами отвергнуты. Премьеры - представители „Солидарности” неоднократно задерживали своим министрам индексацию зарплаты, полагавшуюся им в связи с инфляцией. А депутаты и министры в то время были родом не из истеблишмента, не из привилегированных при коммунизме, ни в чем не нуждавшихся общественных слоев. Часто прежде их участью была безработица, подполье, наконец тюрьма. Неоднократно в Сейме происходили просто трагикомические сцены. Перед очередным голосованием мой коллега, несколько раздраженный, сказал: „Мне что же, голосовать против самого себя? Нет! Уж этого от меня, верно, никто не может требовать” - и оставил зал заседаний (я тоже голосовал за резкое снижение моей будущей, но уже приближавшейся пенсии).

Так было десять лет тому назад... Всего лишь десять и уже десять лет, ведь сегодня то время представляется настолько далеким, давно минувшим, что даже просто нереальным.

В сентябре-октябре 1999 года „Газета Выборча” публиковала по частям длинный „Польский список зарплат”, без вычетов, в злотых, от самой низкой до самой высокой

(1 доллар = 4 злотых). Вот некоторые примеры из этого списка (все цифры - в злотых):

140 злотых - студент, разносящий плакаты и листовки (*Щецин*)

347 - сторож в частной фирме (*Варшава*)

450- студент, моющий ж/д вагоны через две ночи на третью (*Варшава*)

600- медсестра в больнице (*Варшава*)

600- школьная сторожиха (*Варшава*)

600- швея (*Лодзь*)

700- водитель междугороднего автобуса (*Лодзь*)

730- ночной сторож (*Ольштын*)

750- бухгалтер (*Щецин*)

750- слесарь (*Ольштын*)

780- официантка в ресторане *Мак Доналдс* (*Жешув*)

800- ассистент университета (*Лодзь*)

800- вахтер в университете (*Лодзь*)

800- почтальон, разносящий телеграммы (*Великопольша*)

5040- судья (*Ломжа*)

5400- ведущий на ТВ (*Варшава*)

6000- матрос у иностранного судовладельца

6000- строитель, работающий нелегально в Швеции, за вычетом затрат на содержание

6000- владелец небольшой типографии (*Кельце*)

6250- член городской администрации (*Броцлав*)

6500- воевода (*Нижняя Силезия*)

6840- член городской администрации, служебная машина (*Белосток*)

7400- мэр города, служебная машина (*Елена Гура*)

8520- статс-секретарь (министр) в Канцелярии Президента РП, служебная машина

9000- совладелец юридической конторы (*Торунь*)

9729- депутат Сейма, дополнительно 75003л. на штат помощников

10 000- зав. Больничной кассой (негос. страх. медицина), служебная машина (*Силезия*)

10 000- зав. воеводской больницей (*Ольштын*)

10 051- мэр города, служебная машина (*Белосток*)

11 453- премьер-министр РП, служебная машина, служебная квартира

13 200- 1-ый помощник капитана на судне иностранного судовладельца

13 200- мэр города (*Плоцк*)

13 967- Президент РП, служебная машина, служебная квартира

14 000- средний уровень вознаграждения польского посла

15 000- владелец мастерской по ремонту электронного и механического оборудования автомобилей (*Варшава*)

16 000- бургомистр поселка под *Варшавой*, машина

18 000- зав. поликлиникой в системе негосударственного здравоохранения (*Щецин*)

20 000- зав. больницей (*Жешув*)

20 000- юрисконсульт в иностранной фирме (*Варшава*)

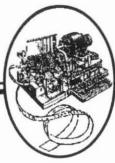
60 000- президент крупного банка, разные надбавки (*Варшава*)

136 000- директор польского филиала одного из крупных инвестиционных иностранных банков, разные надбавки

300 000- президент одного из крупнейших банков, машина, страховка, медобслуживание и др. надбавки.

Различные надбавки полагаются на многих должностях, они весьма дифференцированы по величине в зависимости от должности и фирмы. Например: халат (около 100 зл./год) в мастерских, медучреждениях, музеях; льготы на проезд в транспорте - армия, депутаты всех уровней; оплата бензина (около 250 зл./мес.); талоны в супермаркет (около 300 зл./год), мобильный телефон (от 0,5 до 1,5 тыс.) + оплата разговоров (от 0,1 до 1 тыс./мес.), медобслуживание (около 150 зл./мес.); талоны на обед (около 400-500 зл./мес.), компьютер для работы дома (от 2,5 до 4 тыс. зл.); служебная машина (в зависимости от класса); служебная квартира (от 0,2 до 20 тыс. зл./мес.).

После десяти лет денационализации и приватизации значительная разница в уровне зарплаты в частном секторе перестала вызывать бурные эмоции и воспринимается скорее как нечто естественное. Постепенный рост доходов депутатов парламента и сенаторов привел к тому, что персональная борьба за место в избирательном списке внутри политических партий и избирательных блоков, приобрела неслыханную прежде беспощадность и способствует негативному отбору среди кандидатов. Но самые бурные эмоции общество проявляет все же тогда, когда разворовывание бюджетных средств происходит почти на глазах у граждан. Вот почему разразился скандал на всю страну, когда стал известен уровень

зарплаты заведующих больничными кассами (негосударственная страховая медицина - прим. перев.), больницами и медучреждениями в системе негосударственного здравоохранения - ведь при назначении на эти должности не обошлось без влияния политических партий, находящихся ныне у власти. Зарплата на этих должностях достигала в некоторых случаях уровня в 16 раз выше среднего по стране в государственном секторе (менее 1,8 тыс. зл) плюс 100% премии. Общественное мнение было также взбудоражено уровнем вознаграждения, которое назначили сами себе только что избранные представители новых органов самоуправления - депутаты, члены городской администрации, бургомистры, мэры городов. Уровень заработной платы, гарантированный в контрактах, подписанных с руководителями многих учреждений в системе негосударственного здравоохранения, оказался столь возмутительным, что органы самоуправления пытаются пересмотреть эти контракты и заключить их заново.

В свою очередь, столь высокий уровень вознаграждения высокопоставленных чиновников органов самоуправления заставил некоторых из них по собственной инициативе отказаться от части доходов - сочтя это вознаграждение завышенным и необоснованным. Депутат гмины Центр в Варшаве Роза Тун, получив отпускные, сказала: „Деньги я, естественно, передам на благотворительные цели. Ведь они мне не положены”, а отпускные в этой гмине составляли от 1,9 до 5,2 тыс. зл. („Газета Выборча”, 24 сентября 1999 г.). Глава администрации Центрального района в Варшаве Анна Высоцкая попросила президента (мэра) Варшавы Павла Пискорского снизить ей зарплату на 20% и предложила на столько же понизить зарплату коллег, а также ликвидировать квартирный фонд, предназначенный для распределения среди депутатов. За это она оказалась под огнем критики и большинство полномочий у нее отобрали („Газета Выборча”, 18-19 сентября 1999 г.). По предложению президента Варшавы его собственное вознаграждение было также уменьшено с 17 тыс. до 14 тыс. зл. в месяц. В

связи с проблемой коррупции, нарастающей в органах самоуправления Варшавы, депутат Юлия Питера предала огласке, что уже на этапе составления избирательных списков „Каждое место в списке имело свою цену и таким образом преимущество получали определенные силы, представляющие определенные группировки в бизнесе, стремящиеся получить возможность влиять на работу Совета („Газета Выборча”, 27 октября 1999 г.).

Проф. Хуберт Издебский считает, что: „депутатам хорошо было бы вспомнить в данном случае про этические нормы и образумиться при назначении своего вознаграждения. События последних лет свидетельствуют, что они на это неспособны, поэтому пока что единственной мерой, как представляется, тут может стать ограничение их вознаграждения сверху” („Газета Выборча”, 24 сентября 1999 г.). Однако, заместитель председателя Совета гмины Варшава-Центр Лукаш Абгарович хотя и признал, что оплата работы депутатов слишком высока, то сказал при этом, что „никто не может точно указать, где проходит граница приличия” („Газета Выборча”, 27 сентября 1999 г.). А депутат Сейма, бывший председатель правления Мазовецкого регионального отделения независимого профсоюза „Солидарность” Мацей Янковский, сварщик по профессии, не разделил этих сомнений и сказал: „Сейм, в конце концов, создал комиссию, которая должна заняться регулированием заработков в сфере бюджетных денег. (...) Я в составе этой комиссии и просто поражен. (...) Это именно разворовывание государственных денег. Этой системе надо положить конец (...) В частном секторе не бывает такой патологии, такого издевательства над экономическими законами” („Газета Выборча”, 18-19 сентября 1999 г.).

Некогда, в бытность нашу в правлении Мазовецкого регионального отделения независимого профсоюза „Солидарность”, мы все трое, включая Мацея и Лукаша, и находясь в подполье, и по выходе из него, почему-то знали, где проходит граница приличия.

И, пожалуй, эта граница не изменилась.

Збигнев Херберт

Стихотворения

Перевод Владимира Британишского

Перевод с польского

Владимира Британишского

Збигнев Херберт

СТИХОТВОРЕНИЯ

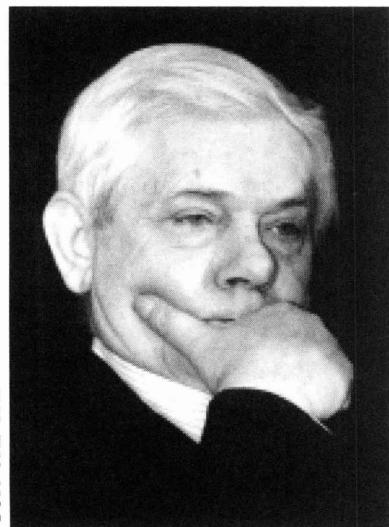

Фото САФ-РАР

С ВЕРШИНЫ ЛЕСТНИЦЫ

Разумеется
те что стоят на вершине лестницы
они-то знают
они-то знают все

другое дело мы
подметальщики площадей
заложники лучшего будущего
которым те с вершины лестницы
показываются редко
приложивши палец к губам

мы терпеливы
наши жены чинят нам праздничную рубашку
мы говорим о карточках на продукты
о футболе о цене ботинок
а в субботу запрокидываем голову
и пьем

мы не из тех
которые сжимают кулаки
звенят цепями
говорят вопрошают
призывают к бунту
разгоряченные
всё говорят и вопрошают

вот их сказка -
бросимся к лестнице
и возьмем ее штурмом
по ступеням покатятся
головы тех что стояли там на вершине
и наконец мы узнаем
что видно с той высоты
какое будущее
какая пустота

мы не жаждем зрелища
катящихся голов
мы знаем как легко отрастают головы

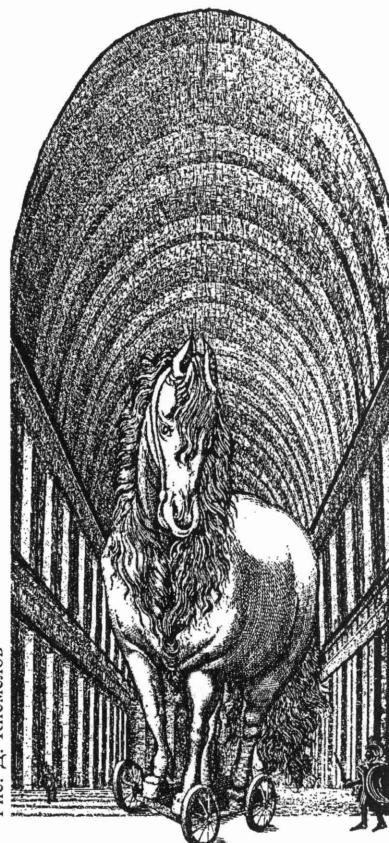

Рис. Д. Кисметов

и всегда наверху остаются
один или трое
а внизу аж черно от лопат и мётел

порой нам грезится
что те с вершины лестницы
сойдут сюда
вниз к нам
когда мы жуем над газетой хлеб
и скажут

- теперь поговорим
как человек с человеком
это неправда то что кричат афиши
правду мы носим в стиснутых устах
она жестока и чересчур тяжела
поэтому мы ее тащим одни

нет мы не счастливы
мы охотно остались бы
тут

разумеется это мечты
они могут сбыться
или не сбыться
а стало быть дальше
мы будем возделывать
наш квадрат земли
наш квадрат камня

с легкой головой
с папиросой за ухом
без капли надежды в сердце

(1956)-(из книги 1983 г.)

Владимир Британишский

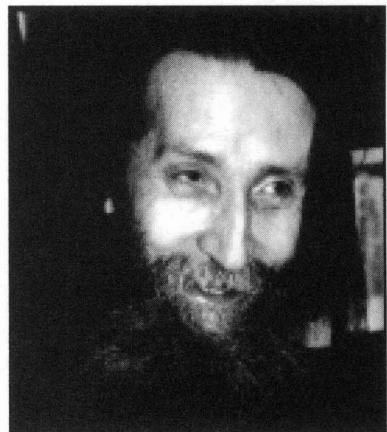

Фото Z. Pomaski

ПОЭТ ВРЕМЕН ОСАДЫ

В последней, предсмертной книге Херберт впервые называет по имени свой родной город: Львов. Мне посчастливилось прожить два месяца в этом городе великолепной ренессансной архитектуры, и когда - вскоре - я начал переводить Херберта, это помогало мне ощущать одну из основ его поэзии. Херберт родился в 1924 году, в те времена, вплоть до Второй мировой войны, Львов славился своими классическими гимназиями, дававшими основательное знание античности.

Но началась Вторая мировая война, и все Персидские, Пунические и прочие войны древности отступили далеко в свою древность. Аттестат зрелости Херберт получил в годы гитлеровской оккупации

на тайных курсах, он окончил
тайную школу подхорунжих,
стал участником
*Сопротивления - в Армии
Крайовой.*

В стихотворении „Ответ”
он вспоминает атмосферу
напряженного ожидания
прихода „троих, тех из резины
и железа”, которые уведут и
„втопчат тебя в землю”. В
таком напряженном ожидании
Херберт, как многие уцелевшие
поляки его поколения,
продолжал жить и после
войны, в 1945-56-м, когда любой,
бывший участник Армии
Крайовой, несмотря на
объявленную амнистию, мог по-
прежнему ждать ареста и
гибели.

Писать он начал в годы
войны, но опубликовав три
стихотворения в 1948 году, в
самом конце послевоенного
либерального промежутка, от
далнейших попыток
публиковаться отказался
надолго. Человеку, который, по
его признанию, из всей мировой
юмористической литературы,
паряду с „Записками
Пиквикского клуба”, выше всего
ценит „Марксизм и вопросы
языкознания” Иосифа
Виссарионовича, такому
человеку в годы польского
сталинизма и соцреализма
попытаться печататься было
несвоевременно.

Время Херberта пришло в
1956-м. Тогда и вышла его
первая книга стихов - „Струна
света”.

В первых четырех книгах
стихов /1956-1969/ Херберт
был по преимуществу поэтом-
историком. Предмет его поэзии
- всемирная история, а в ней,
главным образом, две эпохи:
античность /Греция, Рим,

РАПОРТ ИЗ ОСАЖДЕННОГО ГОРОДА

Слишком стар чтобы носить оружие и сражаться как другие -

назначили мне из милости маловажную роль летописца
я записываю - для кого неизвестно - историю осады

я должен быть точен но не знаю когда началось нашествие
двести лет назад в декабре сентябрь
может быть вчера на рассвете
все тут больны потерей чувства времени

осталось нам только место привязанность к месту
еще мы удерживаем руины храмов призраки садов и домов
если утратим руины не останется ничего

я пишу как умею в ритме бесконечных недель
понедельник: склады пусты единицей обмена стала крыса
вторник: бургомистра убили какие-то неизвестные
среда: говорят о перемирии противник интернировал послов
мы не знаем их местопребывания то есть места казни
четверг: после бурного собрания большинством голосов
отвергли
предложение торговцев пряностями о безоговорочной
капитуляции
пятница: начало чумы суббота: покончил самоубийством
N.N.непоколебимый защитник воскресенье: нет воды мы
отбили
штурм восточных ворот именуемых Вратами Завета

понимаю это вое монотонно никого не взволнует
я избегаю комментариев сдерживаю эмоции пишу о фактах
кажется их только ценят на зарубежных рынках
но с известной гордостью я хотел бы поведать миру
что мы воспитали благодаря войне новую разновидность детей
наши дети не любят сказок играют только в убийство
наяву и во сне мечтают о супе хлебе и кости
совсем как собаки и кошки

вечерами люблю побродить по границам Города
вдоль рубежей ненадежной нашей свободы
сверху смотрю на гигантский муравейник войск их огни
слушаю стук барабанов варварский визг
поистине непонятно что Город все еще держится

осада длится так долго враги должно быть меняются
ничего у них общего кроме жажды нашей погибели
готы татары шведы войска Императора
полки Преображенья Господня
кто их сочтет

цвет их знамен меняется как лес на горизонте
деликатная птичья желтизна по весне
зелень багрянец зимняя чернь

вечером освободившись от фактов я могу подумать
о давних далеких делах например о наших
союзниках за морем знаю сочувствуют искренне
шлют нам муку и мешки ободренья жир и мудрые советы
даже не знают что нас предали их отцы
наши союзники времен второго Апокалипсиса
сыновья не виноваты заслуживают благодарности
и мы благодарны

они не переживали долгой как вечность осады
те кого коснулось несчастье всегда одиноки
защитники Далай-ламы курды афганские горцы

сейчас когда я это пишу сторонники соглашенья
получили некоторый перевес над партией непоколебимых
обычная неустойчивость настроений судьбы еще решаются

все больше могил все меньше защитников
но оборона не сломлена мы будем стоять до конца
и если Город падет и кто-то один уцелеет
он понесет в себе Город по дорогам изгнанья
он будет Город

глядим в лицо огня и голода и смерти
и в худшее из всех - в лицо измены

И только наши сны не покорены

*Иудея/ и новейшая,
наиновейшая история, то есть
Вторая мировая война и
послевоенные годы. Об
античности Херберт пишет,
волниуемый проблемами нашей
современности. Пишет он
также и о событиях совсем
недавних, еще кровоточащих.
И здесь его учителями были
античные историки Фукидид и
Тацит, тоже писавшие об
истории - для них - новейшей,
не улежащейся. Очевиден и
еще один учитель Херберта -
поэт-историк Шекспир.
„Маленькой трагедией“ я
назвал бы стихотворение
„Трену Фортинбраса“,
хербертовское „продолжение“
шекспировского „Гамлета“.
Другая „маленькая трагедия“ -
стихотворение „Возвращение
проконсула“**, герой которого,
активный деятельный человек
времен Римской империи,
размышляет об актуальной
проблеме: „может ли жить
при дворе“.*

*Херберта одинаково
волнуют и борьба отдельной
незаурядной личности за свою
независимость в условиях
деспотизма и судьба так
называемых „простых людей“,
„субстанции“ истории. О них
он пишет в стихотворении
„Субстанция“ в книге 1957 года.
И „Субстанция“ и „С вершины
лестницы“ - свидетельство
демократичности Херберта.
Выдающийся эрудит, Херберт
никогда не был снобом, пишет
он удивительно просто, „для
всех“, и наряду с признанием
интеллигентуальной элиты
многих стран, завоевал и не
теряет симпатии самых
широких читателей.
Демократичность Херберта
особенно оттеняется тем,*

мало кому известным фактом /о своем происхождении
Херберт пишет единственный раз и очень сдержанно - в позднем стихотворении „Руки моих предков”, - что сам Херберт принадлежит к старинному английскому аристократическому роду Хербертор, давшему Англии когда-то не только баронов и графов, но и крупных поэтов и философов. Дед Херберта приехал в Австро-Венгрию, отец воевал в годы Первой мировой в польских Легионах. Херберт стал сугубо польским, но одновременно и общечеловеческим поэтом и мыслителем.

С 1958-го он много путешествовал, с 1960-го публикуются его эссе об этих путешествиях, составившие книгу „Варвар в саду”/1962/. Его поэзию и эссеистику начинают переводить на Западе, он лауреат все большего числа зарубежных и международных премий. В Польше в 1961-м Союз польских студентов присудил ему премию как любимому студенческому поэту, в 1989-м Польский Пен-Клуб дал ему премию имени Яна Парапандовского, присуждаемую писателям-гуманистам.

В 1965-71-м Херберт жил на Западе. Итогом этих лет стала совершенно новая и для многих неожиданная книга - „Господин Когито”/1974/. Это современный интеллектуальный роман в стихах, герой которого - отчасти alter ego самого Херберта, отчасти же „типичный представитель” (как любили выражаться когда-то наши школьные учебники) интеллектуалов

РУКИ МОИХ ПРЕДКОВ

Во мне без устали трудятся руки моих предков
узкие сильные костиистые руки привыкшие держать поводья
меч саблю шпагу

- О как торжественен покой - смертельного удара

Что же хотят сказать мне руки моих предков
оливковые руки из-за гроба
наверно чтобы я не сдался
вот и работают во мне как в тесте
замешивая темный хлеб

И что уж превосходит мое воображенье
сажают меня жестко на седло
и ставят мои ноги в стремена

ТРЕН

Памяти Матери

Теперь над ее головою корни коричневой тучей
стройная лилия соли тонкие четки песчинок
плывет она на дне лодки сквозь туманностей пену

в миле от нас или дальше за речной излучкой
заметна - незаметна как зыбь света на зыби
она ничуть не иная - покинутая как все мы

Рис. Д. Киселев

МОЙ ОТЕЦ

Отец мой был поклонник Франса
курил Отменный Македонский
и в синем дыме колыхался
смакуя шик усмешки тонкой
и я в далекие те годы
отца склоненного над книгой
считал Синдбадом Мореходом
которому порой тоскливо

Бывало на ковре волшебном
он улетал от домочадцев
По атласам бежали вслед мы
он исчезал Но возвращался
в туфлях домашних снова здешний
ключами вновь звенел в кармане
жизнь шла но шла без изменений
капля по капле дни за днями

однажды занавески сняли
он сквозь стекло и не вернулся
грустил ли расставаясь с нами
а может и не обернулся
в одном журнале иностранном
я видел снимок остров дальний
у них отец мой губернатор
либерализм у них и пальмы

Польши и шире - Восточной Европы и еще шире - всей современной европейско-американской цивилизации. Книга принесла Херберту всемирную известность, а в США поклонники Херберта несколько лет даже издавали журнал „Mr Cogito”.

Следующая книга опять была совсем новой: „Рапорт из осажденного города” /Париж, 1983/. В „минуты роковые”, после рождения „Солидарности” в августе 1980-го, Херберт, долго живший на Западе, вернулся в Польшу и провел там пятнадцать месяцев свободы, сменившейся в декабре 1981-го годом военного положения, а затем - годами положения почти военного, почти осады. „Рапорт из осажденного города”, заглавная вещь книги, - самая польская вещь Херберта. „Осада длится так долго...”. Это и осада польских войск в Збараже в 1649-м, и осада Ясногурского монастыря в 1655-м, и осада Варшавы - в 1794-м, в 1831-м. И восставшая Варшава 1944-го. Наконец, это Польша времени военного положения, которое тоже было „осадой”, испытанием душевной стойкости нации и каждого поляка. Польские читатели начала 1980-х прочитывали у Херберта именно этот, последний слой многослойного польского архетипа осажденного города. Книга печаталась в Польше подпольно и ходила в „другом круге обращения” книг и журналов, как называли поляки свой самиздат. У меня сохранился экземпляр такого издания „Рапорта”, с полуслепой печатью, так что некоторые

Рис. Д. Киселев

строки невозможно было разобрать, пока, наконец, Херберт не приспал мне полную ксерокопию парижского издания, из Парижа, где он в 1980-х жил.

Последние три книги опять были новые - более камерные, более приватные, стихи-воспоминания, стихи об ушедших и уходящих родителях, учителях, друзьях. Одна из них так называлась - „Элегия на уход”.

Все книги Херберта, от первой до последней, объединяет та неуловимая, но четко слышимая, единственная на свете, хербертовская интонация, которая составляет, едва ли не главное, очарование его поэзии. Она звучит и в его ямбах /с годами их все меньше/, и в его верлибрах. Очарованные ею, даже критики и литературоведы (а о Херберте написано несколько монографий) редко задумываются над анализом стиха и стиля Херберта. Назвать великого поэта каким-нибудь „истом” язык не поворачивается. „Современным классицистом”? Но что это добавило бы? Да и правда ли это? Очень уж явно чувствуется в поэзии Херберта переосмысление опыта всего авангардизма первой трети XX века, в том числе и абстракционизма в живописи и конструктивизма в архитектуре. И не Херберт ли написал о современном „классике” язвительнейшее стихотворение в прозе! („Огромное деревянное ухо затянуто ватой и цитатами Цицерона...”).***

СУБСТАНЦИЯ

Ни в головах притущенных острой тенью знамени
ни в груди убитых брошенных в неубранной ржи
ни в ладонях сжимающих леденящий жезл и Державу
ни в сердце колокола
ни под каменными стопами собора
не вмещается все целиком

те что толкают тачку с вещами по немощеным предместьям
убегают с пожарища с кастрюлей борща в руках
те что возвращаются на руины

не для того чтоб взывать к умершим

но чтобы выкопать железную трубу для времянки
мореные голодом - любящие жизнь
битые по морде - любящие жизнь
не назовешь их цветом земли
тело
живая плазма
руки заслоняющие голову
ноги спасающие бегством
способность добывать себе пищу
способность дышать
способность рожать даже в тюремной камере

погибают лишь те
кто красивым словам больше предан чем жирной похлебке
к счастью таких немного

а народ остается
и с нагруженными мешками вернувшись на прежнее место
воздвигает триумфальную арку
павшим смертью храбрых.

(из книги 1957 г.)

ПО ПОВОДУ ПРОЦЕССА

Синедрион не собирался ночью
ночь здесь нужна воображенью
обычаю это противоречит

очень неправдоподобно
чтобы нарушили праздник Пасхи
из-за какого-то малоопасного галилеянина
весьма подозрительно совпадение мнений
традиционных антагонистов - саддукеев и фарисеев

Каиафа мог проводить лишь следствие
*ius gladii*¹ был в руках у римлян
зачем же тревожить тени
и толпу вопящую освободи Варавву

все дело как кажется решалось между чиновниками
бледным Пилатом и четвертовластником Иродом
административная процедура безукоризненна
но кто ж сумеет из этого сделать драму

отсюда сцены с боязливыми бородачами
и сброд идущий в гору с названьем
череп

а все могло быть буднично
без бурных страстей

*P.S. Херберт был одним из первых польских поэтов, увлекших меня, и остался моей постоянной привязанностью. С 1966 года я перевел три с половиной тысячи строк. Я писал о нем в статье о современной польской поэзии в 1966-м, в статье 1974-го. Но ужес в 1975-м он стал у нас персоной *non grata*. После первой значительной публикации в журнале „Иностранная литература“ в 1973-м № 2/ наступил перерыв - 17 лет: до № 8 в 1990-м. Затем были публикации в „Новом мире“/1995/, в „Орионе“/1995/, в журнале „Феникс-XX“/1993; строк пятьсот из книги „Господин Когито“, наконец, третья публикация „Иностранной литературы“ /1998 № 8/.*

Эту последнюю Херберт уже не увидел, но знал ее состав. Он читал и ценил мои переводы. Надо сказать, что он свободно читал и хорошо говорил по-русски. - У меня вообще способности к языкам! - сказал он по этому поводу.

Первое письмо от Херберта я получил в 1974-м. В 1994-м мы дважды, в феврале и в ноябре, виделись. Он был уже очень тяжело болен, но приняли нас Збигнев и Катажина Херберт весьма сердечно. Пани Катажина стала его женой в 1968 году. Тридцать лет. В октябре 1998-го я был с ней на варшавском кладбище Повонзки в канун Дня Поминования на могиле Збигнева Херберта, скончавшегося в конце июля.

Рис. Д. Кисмелов

¹ *ius gladii* – право меча /право карать преступника смертью/

* „Ин. Лит.“ 1973 N 2

** „Орион“ 1955 N 1

*** „Ин. Лит.“ 1973 N 2

Владимир Британишский

Поэт времен осады

и всегда наверху остаются
один или трое
а внизу аж черно от лопат и мётел

порой нам грезится
что те с вершины лестницы
сойдут сюда
вниз к нам
когда мы жуем над газетой хлеб
и скажут

- теперь поговорим
как человек с человеком
это неправда то что кричат афиши
правду мы носим в стиснутых устах
она жестока и чересчур тяжела
поэтому мы ее тащим одни

нет мы не счастливы
мы охотно остались бы
тут

разумеется это мечты
они могут сбыться
или не сбыться
а стало быть дальше
мы будем возделывать
наш квадрат земли
наш квадрат камня

с легкой головой
с папиросой за ухом
без капли надежды в сердце

(1956)-(из книги 1983 г.)

Владимир Британишский

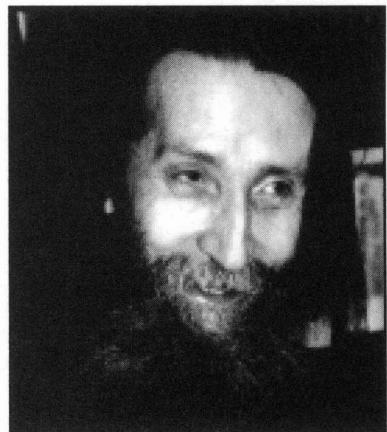

Фото Z. Pomaski

ПОЭТ ВРЕМЕН ОСАДЫ

В последней, предсмертной книге Херберт впервые называет по имени свой родной город: Львов. Мне посчастливилось прожить два месяца в этом городе великолепной ренессансной архитектуры, и когда - вскоре - я начал переводить Херберта, это помогало мне ощущать одну из основ его поэзии. Херберт родился в 1924 году, в те времена, вплоть до Второй мировой войны, Львов славился своими классическими гимназиями, дававшими основательное знание античности.

Но началась Вторая мировая война, и все Персидские, Пунические и прочие войны древности отступили далеко в свою древность. Аттестат зрелости Херберт получил в годы гитлеровской оккупации

*на тайных курсах, он окончил
тайную школу подхорунжих,
стал участником
Сопротивления - в Армии
Крайовой.*

*В стихотворении „Ответ”
он вспоминает атмосферу
напряженного ожидания
прихода „троих, тех из резины
и железа”, которые уведут и
„втопчат тебя в землю”. В
таком напряженном ожидании
Херберт, как многие уцелевшие
поляки его поколения,
продолжал жить и после
войны, в 1945-56-м, когда любой,
бывший участник Армии
Крайовой, несмотря на
объявленную амнистию, мог по-
прежнему ждать ареста и
гибели.*

*Писать он начал в годы
войны, но опубликовав три
стихотворения в 1948 году, в
самом конце послевоенного
либерального промежутка, от
далнейших попыток
публиковаться отказался
надолго. Человеку, который, по
его признанию, из всей мировой
юмористической литературы,
паряду с „Записками
Пиквикского клуба”, выше всего
ценит „Марксизм и вопросы
языкознания” Иосифа
Виссарионовича, такому
человеку в годы польского
сталинизма и соцреализма
попытаться печататься было
несвоевременно.*

*Время Херberта пришло в
1956-м. Тогда и вышла его
первая книга стихов - „Струна
света”.*

*В первых четырех книгах
стихов /1956-1969/ Херберт
был по преимуществу поэтом-
историком. Предмет его поэзии
- всемирная история, а в ней,
главным образом, две эпохи:
античность /Греция, Рим,*

РАПОРТ ИЗ ОСАЖДЕННОГО ГОРОДА

Слишком стар чтобы носить оружие и сражаться как другие -

назначили мне из милости маловажную роль летописца
я записываю - для кого неизвестно - историю осады

я должен быть точен но не знаю когда началось нашествие
двести лет назад в декабре сентябрь
может быть вчера на рассвете
все тут больны потерей чувства времени

осталось нам только место привязанность к месту
еще мы удерживаем руины храмов призраки садов и домов
если утратим руины не останется ничего

я пишу как умею в ритме бесконечных недель
понедельник: склады пусты единицей обмена стала крыса
вторник: бургомистра убили какие-то неизвестные
среда: говорят о перемирии противник интернировал послов
мы не знаем их местопребывания то есть места казни
четверг: после бурного собрания большинством голосов
отвергли
предложение торговцев пряностями о безоговорочной
капитуляции
пятница: начало чумы суббота: покончил самоубийством
N.N.непоколебимый защитник воскресенье: нет воды мы
отбили
штурм восточных ворот именуемых Вратами Завета

понимаю это вое монотонно никого не взволнует
я избегаю комментариев сдерживаю эмоции пишу о фактах
кажется их только ценят на зарубежных рынках
но с известной гордостью я хотел бы поведать миру
что мы воспитали благодаря войне новую разновидность детей
наши дети не любят сказок играют только в убийство
наяву и во сне мечтают о супе хлебе и кости
совсем как собаки и кошки

вечерами люблю побродить по границам Города
вдоль рубежей ненадежной нашей свободы
сверху смотрю на гигантский муравейник войск их огни
слушаю стук барабанов варварский визг
поистине непонятно что Город все еще держится

осада длится так долго враги должно быть меняются
ничего у них общего кроме жажды нашей погибели
готы татары шведы войска Императора
полки Преображенья Господня
кто их сочтет

цвет их знамен меняется как лес на горизонте
деликатная птичья желтизна по весне
зелень багрянец зимняя чернь

вечером освободившись от фактов я могу подумать
о давних далеких делах например о наших
союзниках за морем знаю сочувствуют искренне
шлют нам муку и мешки ободренья жир и мудрые советы
даже не знают что нас предали их отцы
наши союзники времен второго Апокалипсиса
сыновья не виноваты заслуживают благодарности
и мы благодарны

они не переживали долгой как вечность осады
те кого коснулось несчастье всегда одиноки
защитники Далай-ламы курды афганские горцы

сейчас когда я это пишу сторонники соглашенья
получили некоторый перевес над партией непоколебимых
обычная неустойчивость настроений судьбы еще решаются

все больше могил все меньше защитников
но оборона не сломлена мы будем стоять до конца
и если Город падет и кто-то один уцелеет
он понесет в себе Город по дорогам изгнанья
он будет Город

глядим в лицо огня и голода и смерти
и в худшее из всех - в лицо измены

И только наши сны не покорены

*Иудея/ и новейшая,
наиновейшая история, то есть
Вторая мировая война и
послевоенные годы. Об
античности Херберт пишет,
волниуемый проблемами нашей
современности. Пишет он
также и о событиях совсем
недавних, еще кровоточащих.
И здесь его учителями были
античные историки Фукидид и
Тацит, тоже писавшие об
истории - для них - новейшей,
не улежащейся. Очевиден и
еще один учитель Херберта -
поэт-историк Шекспир.
„Маленькой трагедией“ я
назвал бы стихотворение
„Трену Фортинбраса“,
хербертовское „продолжение“
шекспировского „Гамлета“.
Другая „маленькая трагедия“ -
стихотворение „Возвращение
проконсула“**, герой которого,
активный деятельный человек
времен Римской империи,
размышляет об актуальной
проблеме: „может ли жить
при дворе“.*

*Херберта одинаково
волнуют и борьба отдельной
незаурядной личности за свою
независимость в условиях
деспотизма и судьба так
называемых „простых людей“,
„субстанции“ истории. О них
он пишет в стихотворении
„Субстанция“ в книге 1957 года.
И „Субстанция“ и „С вершины
лестницы“ - свидетельство
демократичности Херберта.
Выдающийся эрудит, Херберт
никогда не был снобом, пишет
он удивительно просто, „для
всех“, и наряду с признанием
интеллигентуальной элиты
многих стран, завоевал и не
теряет симпатии самых
широких читателей.
Демократичность Херберта
особенно оттеняется тем,*

мало кому известным фактом /о своем происхождении
Херберт пишет единственный раз и очень сдержанно - в позднем стихотворении „Руки моих предков”, - что сам Херберт принадлежит к старинному английскому аристократическому роду Хербертор, давшему Англии когда-то не только баронов и графов, но и крупных поэтов и философов. Дед Херберта приехал в Австро-Венгрию, отец воевал в годы Первой мировой в польских Легионах. Херберт стал сугубо польским, но одновременно и общечеловеческим поэтом и мыслителем.

С 1958-го он много путешествовал, с 1960-го публикуются его эссе об этих путешествиях, составившие книгу „Варвар в саду”/1962/. Его поэзию и эссеистику начинают переводить на Западе, он лауреат все большего числа зарубежных и международных премий. В Польше в 1961-м Союз польских студентов присудил ему премию как любимому студенческому поэту, в 1989-м Польский Пен-Клуб дал ему премию имени Яна Парапандовского, присуждаемую писателям-гуманистам.

В 1965-71-м Херберт жил на Западе. Итогом этих лет стала совершенно новая и для многих неожиданная книга - „Господин Когито”/1974/. Это современный интеллектуальный роман в стихах, герой которого - отчасти alter ego самого Херберта, отчасти же „типичный представитель” (как любили выражаться когда-то наши школьные учебники) интеллектуалов

РУКИ МОИХ ПРЕДКОВ

Во мне без устали трудятся руки моих предков
узкие сильные костиистые руки привыкшие держать поводья
меч саблю шпагу

- О как торжественен покой - смертельного удара

Что же хотят сказать мне руки моих предков
оливковые руки из-за гроба
наверно чтобы я не сдался
вот и работают во мне как в тесте
замешивая темный хлеб

И что уж превосходит мое воображенье
сажают меня жестко на седло
и ставят мои ноги в стремена

ТРЕН

Памяти Матери

Теперь над ее головою корни коричневой тучей
стройная лилия соли тонкие четки песчинок
плывет она на дне лодки сквозь туманностей пену

в миле от нас или дальше за речной излучкой
заметна - незаметна как зыбь света на зыби
она ничуть не иная - покинутая как все мы

Рис. Д. Киселев

МОЙ ОТЕЦ

Отец мой был поклонник Франса
курил Отменный Македонский
и в синем дыме колыхался
смакуя шик усмешки тонкой
и я в далекие те годы
отца склоненного над книгой
считал Синдбадом Мореходом
которому порой тоскливо

Бывало на ковре волшебном
он улетал от домочадцев
По атласам бежали вслед мы
он исчезал Но возвращался
в туфлях домашних снова здешний
ключами вновь звенел в кармане
жизнь шла но шла без изменений
капля по капле дни за днями

однажды занавески сняли
он сквозь стекло и не вернулся
грустил ли расставаясь с нами
а может и не обернулся
в одном журнале иностранном
я видел снимок остров дальний
у них отец мой губернатор
либерализм у них и пальмы

Польши и шире - Восточной Европы и еще шире - всей современной европейско-американской цивилизации. Книга принесла Херберту всемирную известность, а в США поклонники Херберта несколько лет даже издавали журнал „Mr Cogito”.

Следующая книга опять была совсем новой: „Рапорт из осажденного города” /Париж, 1983/. В „минуты роковые”, после рождения „Солидарности” в августе 1980-го, Херберт, долго живший на Западе, вернулся в Польшу и провел там пятнадцать месяцев свободы, сменившейся в декабре 1981-го годом военного положения, а затем - годами положения почти военного, почти осады. „Рапорт из осажденного города”, заглавная вещь книги, - самая польская вещь Херберта. „Осада длится так долго...”. Это и осада польских войск в Збараже в 1649-м, и осада Ясногурского монастыря в 1655-м, и осада Варшавы - в 1794-м, в 1831-м. И восставшая Варшава 1944-го. Наконец, это Польша времени военного положения, которое тоже было „осадой”, испытанием душевной стойкости нации и каждого поляка. Польские читатели начала 1980-х прочитывали у Херберта именно этот, последний слой многослойного польского архетипа осажденного города. Книга печаталась в Польше подпольно и ходила в „другом круге обращения” книг и журналов, как называли поляки свой самиздат. У меня сохранился экземпляр такого издания „Рапорта”, с полуслепой печатью, так что некоторые

Рис. Д. Киселев

строки невозможно было разобрать, пока, наконец, Херберт не приспал мне полную ксерокопию парижского издания, из Парижа, где он в 1980-х жил.

Последние три книги опять были новые - более камерные, более приватные, стихи-воспоминания, стихи об ушедших и уходящих родителях, учителях, друзьях. Одна из них так называлась - „Элегия на уход”.

Все книги Херберта, от первой до последней, объединяет та неуловимая, но четко слышимая, единственная на свете, хербертовская интонация, которая составляет, едва ли не главное, очарование его поэзии. Она звучит и в его ямбах /с годами их все меньше/, и в его верлибрах. Очарованные ею, даже критики и литературоведы (а о Херберте написано несколько монографий) редко задумываются над анализом стиха и стиля Херберта. Назвать великого поэта каким-нибудь „истом” язык не поворачивается. „Современным классицистом”? Но что это добавило бы? Да и правда ли это? Очень уж явно чувствуется в поэзии Херберта переосмысление опыта всего авангардизма первой трети XX века, в том числе и абстракционизма в живописи и конструктивизма в архитектуре. И не Херберт ли написал о современном „классике” язвительнейшее стихотворение в прозе! („Огромное деревянное ухо затянуто ватой и цитатами Цицерона...”).***

СУБСТАНЦИЯ

Ни в головах притущенных острой тенью знамени
ни в груди убитых брошенных в неубранной ржи
ни в ладонях сжимающих леденящий жезл и Державу
ни в сердце колокола
ни под каменными стопами собора
не вмещается все целиком

те что толкают тачку с вещами по немощеным предместьям
убегают с пожарища с кастрюлей борща в руках
те что возвращаются на руины

не для того чтоб взывать к умершим

но чтобы выкопать железную трубу для времянки
мореные голодом - любящие жизнь
битые по морде - любящие жизнь
не назовешь их цветом земли
тело
живая плазма
руки заслоняющие голову
ноги спасающие бегством
способность добывать себе пищу
способность дышать
способность рожать даже в тюремной камере

погибают лишь те
кто красивым словам больше предан чем жирной похлебке
к счастью таких немного

а народ остается
и с нагруженными мешками вернувшись на прежнее место
воздвигает триумфальную арку
павшим смертью храбрых.

(из книги 1957 г.)

ПО ПОВОДУ ПРОЦЕССА

Синедрион не собирался ночью
ночь здесь нужна воображенью
обычаю это противоречит

очень неправдоподобно
чтобы нарушили праздник Пасхи
из-за какого-то малоопасного галилеянина
весьма подозрительно совпадение мнений
традиционных антагонистов - саддукеев и фарисеев

Каиафа мог проводить лишь следствие
*ius gladii*¹ был в руках у римлян
зачем же тревожить тени
и толпу вопящую освободи Варавву

все дело как кажется решалось между чиновниками
бледным Пилатом и четвертовластником Иродом
административная процедура безукоризненна
но кто ж сумеет из этого сделать драму

отсюда сцены с боязливыми бородачами
и сброд идущий в гору с названьем
череп

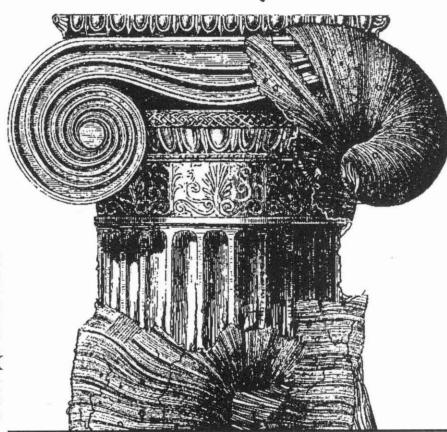
а все могло быть буднично
без бурных страстей

*P.S. Херберт был одним из первых польских поэтов, увлекших меня, и остался моей постоянной привязанностью. С 1966 года я перевел три с половиной тысячи строк. Я писал о нем в статье о современной польской поэзии в 1966-м, в статье 1974-го. Но ужес в 1975-м он стал у нас персоной *non grata*. После первой значительной публикации в журнале „Иностранная литература“ в 1973-м № 2/ наступил перерыв - 17 лет: до № 8 в 1990-м. Затем были публикации в „Новом мире“/1995/, в „Орионе“/1995/, в журнале „Феникс-XX“/1993; строк пятьсот из книги „Господин Когито“, наконец, третья публикация „Иностранной литературы“ /1998 № 8/.*

Эту последнюю Херберт уже не увидел, но знал ее состав. Он читал и ценил мои переводы. Надо сказать, что он свободно читал и хорошо говорил по-русски. - У меня вообще способности к языкам! - сказал он по этому поводу.

Первое письмо от Херберта я получил в 1974-м. В 1994-м мы дважды, в феврале и в ноябре, виделись. Он был уже очень тяжело болен, но приняли нас Збигнев и Катажина Херберт весьма сердечно. Пани Катажина стала его женой в 1968 году. Тридцать лет. В октябре 1998-го я был с ней на варшавском кладбище Повонзки в канун Дня Поминования на могиле Збигнева Херберта, скончавшегося в конце июля.

Рис. Д. Кисмелов

¹ *ius gladii* – право меча /право карать преступника смертью/

* „Ин. Лит.“ 1973 N 2

** „Орион“ 1955 N 1

*** „Ин. Лит.“ 1973 N 2

Манук Жажоян

Заточенные в аду

**Польская поэзия в издании Аандрея
Базилевского**

Манук Жажоян

ЗАТОЧЕННЫЕ В АДУ

ПОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ В ИЗДАНИИ АНДРЕЯ БАЗИЛЕВСКОГО

ЧЕСЛАВ МИЛОШ. Так мало и другие стихотворения, 1934 – 1990. [Перевод с польского. ред.-сост. Андрей Базилевский М.] «Вахаузар», 1993. (Коллекция польской литературы).

ПОЛЬСКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕК. АНТОЛОГИЯ. [Перевод с польского. ред.-сост. Андрей Базилевский М.] «Вахаузар», 1993. (Коллекция польской литературы).

*Заточенный в Аду утверждает, что Ада нет.
Чеслав Милош*

Чеславу Милошу (впрочем, как и всей польской поэзии XX века) очень присуще то качество, которое другой поэт, русский, определил как «литературную злость». Едкая, колкая поэзия. Это легко показать на прекрасном тексте Милоша «Структурализм»:

«Я побывал на лекции структуралиста, он говорил необычайно интеллектуально, его французские лапки неописуемо интеллектуально держали сигарету.

Мне хотелось встать и сказать: ты, на этой земле воя и блевотни, на этой земле страданий всякой живой твари и моего человеческого отчаяния, ты, ученая скотина.

Да будет свидетелем великое племя умерших – смотри, проступают их лица, – как солено и горько, когда на губах, едва тронутое языком, прорезается слово.

Единственное слово, которое, что-то значит, которое прогремев от небес до ада, вернет утраченную гармонию, слово, которого нет, а есть только этот шум леса или моря – толи лепет, толи плачь.

Что я, во глупости моей, против тебя, коллекционер замороженных слез...?

Я смешен точно так же, как тогда, в детстве, когда силился защитить священную рощу, гору Синай или остров Патмос, сам не понимая что и зачем защищаю...»

Кажется, эта «злость» свойственна польской поэзии больше, чем какой-либо другой. Хотя... в нашем столетии, будучи художником, вообще невозможно не быть пронизанным ею.

После того, как было произнесено: «После Освенцима нельзя писать стихи», – история культуры разделилась на две эпохи. До Освенцима (а ведь мы говорим о Польше!) и после. «После Освенцима нельзя писать стихи» – это вызов, способный парализовать многих. Милош принимает его с невероятным, гениальным мужеством: Только после Освенцима и можно писать стихи!

*Ты стало, естество, сомнительно и странно.
Дахау бабочек, Освенцим муравьиный –
Не скроет этих язв зеленошумный куст твой!
Мы, люди, землю завернем в свой флаг. Ничто отныне
не будет естественным, а все искусством!*

(«Предупреждение естеству», 1944)

Согласитесь, довольно своеобразный «эстецизм»...

«Искусство – это Ад», – сказал Блок. Он доказывал эту истину своей жизнью, но он не показал самого Ада, лишь эскизно набросал в одном из своих стихотворений. Ад показал Милош, буквально показал (ибо увидел), обращаясь к традиционному жанру видений», в стихотворении с эпиграфом из Сведенборга.

*После я брел в колеи, в слякоти, по прооселку,
вдоль фанерных бараков. Изредка возникало
нечто из камня, окруженнное чертополохом;
грядки с картошкой, огороженные колючкой.
Внутри играли в почтичто-карты, пахло почтичто-щами,
пили почтичто-водку, царила почтичто-грязь,
и шло, замирая, почтичто-время...*

(«По ту сторону»)

Джеймса Джойса называли «Гомером XX века». Чеслава Милоша мы назовем «Данте XX века». «Искусство – это ад». Ад – Освенцим – искусство. Ад как Освенцим. Освенцим как искусство. – сколь бы кощунственно это ни звучало. Надо быть поэтом XX века, и надо быть Милошем, чтобы спровоцировать подобную эстетическую схему. Но Ад, по Милошу, это еще и модернистское искусство. В совершенстве овладев, и доведя до совершенства модернистскую поэтическую технику, он яростно, даже свирепо (вспомним еще раз «Структурализм») отвергает модернистскую идеологию, диктующую поэтам – модернистам свои, часто клинические законы и дискредитирующую извечное название искусства, которому Милош (как поэт великий) был верен всегда.

*Некогда люди читали только мудрые книги,
помогающие перенести боль, а также несчастье.
Но это не то же самое, что перелистывать тысячу
творений, происходящих прямо из психбольницы...*

(«Ars poetica?»)

«Так мало» – первый стихотворный сборник Чеслава Милоша на русском языке. Это забавно: русский читатель только в 1993 году получает возможность взять в руки книгу стихов 82-летнего поэта, Нобелевского лауреата!

Впрочем, понятно. Эмигрант, живущий в США, автор книги «Порабощенный разум», покинувший в 1960 году даже Францию из-за своей неприязни к парижским прокоммунистам... Скажем и о том, что имя Милоша, величайшего поэта современности, не было включено в уже «новейший» (1987 года) «Литературный энциклопедический словарь».

Если так обстояло дело с Милошем, то что говорить о других, хотя бы о тех пяти польских поэтах, которые вошли во вторую нашу книгу – антологию «Польская поэзия: ХХ век». Тоже с пометой: впервые на русском языке». Вислава Шимборская, ксендз Ян Твардовский, Зигмунт Херберт, Тымотеуш Карпович, Томаш Глозинский. Вот что пишет в предисловии к антологии ее составитель Андрей Базилевский:

«В России известна Шимборская (ее переводила еще Ахматова – М.Ж.). Остальные нет: почти или совсем. А ведь их строки способны врачевать. Все пятеро ценят «наивные вопросы» и серьезные шутки. Умеют заставить язык говорить правду. Жаль, что их не было с нами прежде».

Если бы не инициатива А.Базилевского – «Коллекция польской литературы» (она насчитывает уже четыре книги), - их не было бы с нами еще дольше.

Среди переводчиков рецензируемых книг – авторитетнейшие мастера: С.Аверинцев, И.Бродский, А.Гелескул, Н.Горбаневская. Большая же часть переводов из «Антологии» выполнена А.Базилевским.

Польские поэты ХХ века ставят не такие уж «наивные» вопросы. И шутки их скорее печальны и горьки, чем просто серьезные. Горечь шутки на поэтическом языке – это ирония. Ведь сказал же Милош о поляках:

*Непобедимый народ, великий
народ ироничный,
Он чувствует правду и в молчание упрячет.*

Лешек Шаруга

Обзор литературной периодики

Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В литературных журналах, издаваемых во всех больших городах Польши (регионализация и децентрализация журнального дела — один из самых зримых знаков перемен в культурной жизни Польши последних лет) обращают на себя внимание материалы, связанные с 60-й годовщиной смерти Станислава Игнация Виткевича (Виткаций), который, узнав о вторжении советских войск в Польшу, покончил с собой 18 сентября 1939 года. Однако «круглая» годовщина — лишь повод напомнить многостороннее творчество автора «Прощанья с осенью»; самоубийство же его рассматривается в более широком контексте крутых поворотов цивилизации нашего столетия, а не только как прямая реакция на само начало войны и четвертый раздел Польши. К тому же Виткаций, как и несколько других писателей конца 30-х годов, прекрасно сознавал угрозу, идущую одновременно с востока и запада, и мог бы, подобно расстрелянному в Катыни поэту Владиславу Себыле, указать опасности надвигавшегося на Польшу с двух сторон тоталитаризма, оба вида которого, по его мнению, как и по мнению других катастрофистов* того времени, прямо угрожали высокой культуре. Именно к этой линии мысли Виткаций обращаются его сегодняшние комментаторы. Так, проф. Ян Блонский на страницах быдгощского **«Квартальника артыстычного»** (1999, №3, — отметим кстати, что два года назад этот журнал посвятил отдельный номер, подготовленный Адамом Поморским, новейшим течениям в русской литературе) пишет:

«Как упорядочить темы Виткация? Это не совсем просто, потому что Виткаций изменялся и забавлялся, иногда играя своими тезисами, над которыми любил помудрить — и не всегда последовательно. Но откуда это упрямство и склонность к повторению? Когда внимательно читаешь, невозможно не заметить, сколь часто его перо рисует мотив посвящения в тайну. Нет, пожалуй, ни одной пьесы, в которой кто-то кому-то не передавал бы знаний заповедных или малопонятных, а в то же время важных, любопытных, в каком-то особом смысле творческих».

Творческим следует считать именно то, что писатель обнаруживал радикальные угрозы культуре, которым можно противопоставить только творческий труд, как это происходит в анализируемой Блонским пьесе «Новое освобождение», где «Виткаций освобождается от призрака ненавистного pragmatizma». Именно в этой линии мысли писателя можно усмотреть мотивы, злободневные и сегодня. Парадоксы этого подхода отмечает Анна Вольская в эссе «Век бунта масс» (**«Тыгель культуры»**, Лодзь, 1999, №4-6):

«Когда мир начинает двигаться к тому, чтобы стать “глобальной деревней”, когда культура становится массовой, а человек, до сих пор рассматривавшийся как отдельная личность, теряет свою автономию от толпы и сливаются с нею, — в этих обстоятельствах Виткевич или Ортега-и-Гассет задумываются над ролью элиты, то есть “меньшинства” (...). Тем не менее известно двусмысленное отноше-

ние Виткевича и к богеме, и к аристократии, и к “зафранцам-капиталистам” как элите общества. Это обнаруживается в большинстве его драм и особенно романов. В период, когда только рабочий класс — “организованное человечество” — обладает исторической миссией, те — все-го лишь “отбросы, которые не могут решиться и наконец дать себя отбросить на-всегда”. Они представляют погибающий, но в то же время и постепенно дегенерирующий мир, уходящий в прошлое без возможности вернуться, неспособный защищать ценности, которые до сих пор лежали в его основании».

Автору «Ненасыщения» посвящен и выпуск выходящего в Щецине раз в два месяца журнала **«Пограничка»** (1999, №4), публикующий ответы на анкету, озаглавленную «Что же осталось от Виткакия?», — в частности, его переводчиков. Среди них заслуживают внимания слова русского переводчика Виткакия Андрея Базилевского:

«Под конец века, при нарастающем словоизвержении и патологической виртуализации понятий, приобретает злободневность виткевичевская проблема онтологического достоинства человека во вселенной. В силу этого вопрос о личной подлинности и ее имитации, мотив “метафизического” неосуществления личности как причины агрессии звучит сегодня с неоспоримой ясностью. И столкновение мечты о сущностной форме и мелющего языком отсутствия формы приобретает новые оттенки в постмодернистском контексте. Позиция Виткевича как мужественного поборника духовности, художника в пути, решительного “контр-риг-шутника” способна отрезвляюще и освежающе воздействовать на умы. Его наследие обладает всеми предпосылка-

ми для того, чтобы постоянно возрождаться в культуре».

В том же направлении идут и размышления театроведа Натальи Якубовой:

«Думаю, что в наше время смысл и злободневность приобретают уже не столько прославленные ирония и издевательство Виткакия, ибо кто же в эпоху постмодернизма не умеет иронизировать и издеваться, да толку что? Ирония стала почти обязательным компонентом произведений искусства. Причина здесь — не столько усталость, сколько скука от постмодернистских игр, когда их правила уже усвоены и хочется чего-то нового. И тогда оказывается, что Виткакий действительно, несмотря на весь свой “постмодернизм”, — художник, который превыше всего ценит игру всерьез. Таким образом, Виткакий учит нас, как пойти дальше иронии».

Это верно, хотя одновременно, пожалуй, следует отдать себе отчет в том, что в оном «дальше» отражается отчаяние, не находящее опоры в мире ценностей. (К слову, жаль, что Базилевский до сих пор не нашел спонсоров на второй том драм Виткевича, который он подготовил для своего издательства «Вахазар».)

Особого внимания заслуживает последний номер **«Зешитув літерацких»** (Варшава — Париж — Милан, 1999, №4; напомним, что среди соучредителей и редакторов этого ежеквартального журнала был Иосиф Бродский), целиком посвященный скончавшемуся год назад поэту Зигневу Херберту. В журнале мы найдем не только его неизвестные стихи, но и обширный выбор из его переписки с философами Хенриком Эльзенбергером и Изидорой Домбской и поэтом Станиславом Баранчаком, и, наконец, интервью, взятое у него в 80-е годы в Париже Ренатой Горчинской. Среди высказыва-

ний, посвященных творчеству Херберта, обращают внимание переведенные с английского оригинала слова Бродского:

«Его стихи всегда производили на меня впечатление геометрических резких фигур, оттиснутых в студне моего мозга. Их строфы не столько помнишь, сколько находишь высеченными в уме силой их льдистой прозрачности. Их не нужно интонировать: каденция нашей речи попросту подчиняется гладкой, почти естественной окраске голоса Херберта, подстраивается под его сдержанную тональность. Хотя Херберт — поляк, он не романтик. Он убеждает нас в своей правоте, не повышая температуру стиха, а понижая ее — до уровня, на котором его строфы начинают обжигать познавательные способности читателя, словно железные решетки зимой. Херберт — современный поэт не потому, что пользуется верлибром, но потому что пользуется им по весьма современным причинам».

И далее, рассматривая вопрос о присутствии истории в поэзии Херберта, Бродский подчеркивает:

«Близоруко было бы, однако, сводить поэта к роли бойца, сражающегося с двумя чудовищными системами политического подавления, какие знало наше столетие. Не они истинный враг поэта, а вульгарность человеческого сердца, всегда создающая упрощенный вариант человеческой действительности. А этот последний неизбежно приводит в лучшем случае к социальной несправедливости, а в худшем, что случается чаще, — к утопии, преображающейся в кошмар. Херберт — поэт необычайно последовательный этически, ибо стихи его сосредоточены на причине, а не на следствиях, которые он рассматривает как нечто случайное».

На полях этого высказывания обратим внимание на силу стереотипа, заключенного в предложении: «Хотя Херберт — поляк, он не романтик». Можно было бы поразмысльить над причинами, по которым польская словесность за границей представляется полностью вырастающей из романтизма, — тем не менее само представление это далеко не верное. Классицистические традиции польской литературы — правда, историческими обстоятельствами все время отталкиваемые в сторону — все-таки были и остаются живыми традициями, проявляющимися в творчестве не только Херберта, но и многих других выдающихся поэтов нашего века. К сожалению, тут не место заводить спор на эту тему, так же, как нет и возможности подробнее остановиться на статьях, анализирующих — нередко совершенно по-новому — труды отметившего в США свое 85-летие Яна Котта, выдающегося театроведа, замечательного литературного критика, соединяющего художественную и общественную чуткость; его анализ античной драматургии и творчества Шекспира принес ему всемирную известность. Зато остановимся на его размышлениях — из того же номера «Зешитув литерацких» — по поводу шума, каким была окружена в СМИ охота на молодого кита:

«На экранах всех телевизионных каналов трижды за последние дни показывали охоту на этого молоденького кита и разделку его туши. То же самое описывали на всех первых полосах американских газет. Есть что-то тревожное и побуждающее к размышлению в этом внезапном интересе к судьбе забитого кита в мире повсеместного геноцида. И удивительное соединение древнего ритуала гарпунной охоты с убийством кита выстрелом из противотанкового орудия. И еще удиви-

тельное омовение этого молоденького самца кита традиционным напитком индейцев — «Кока-колой».

Абсурд мира в этом описании уловлен удивительно точно. Эти наблюдения вполне созвучны тем, которые мы находим в «Сильвических** рассуждениях» Станислава Лема, опубликованных во вроцлавском журнале «Одра» (1999, №9):

«Не принадлежа к восторженным сторонникам человечества ни в его частях, ни в целом, я все-таки стараюсь возможно более ровно разделять мое необдуманное соучастие в виде *Homo sapiens*. Естественно, я отдаю себе отчет в том, что катастрофическая гибель миллиона китайцев или людей из других экзотических для нас народностей примерно равняется сломанной ноге какого-нибудь англичанина или вывишнутой щиколотке Бориса Беккера. По крайней мере — в восприятии европейских народов во главе с их политиками. Тогда становится понятно, почему до сих пор открытые массовые захоронения людей разного пола и возраста, но в принципе одной и той же национальной принадлежности, а именно так называемых косоваров, ни в коей мере не портят настроения русским, удивительно довольным, что занятый ими в ходе внезапной вылазки из Боснии аэропорт в Приштине окружен в многочисленных кругах российской политики свежевызолоченным ореолом славы».

Эти два высказывания, на вид далекие друг от друга, я сопоставляю в свете виткацииевых и хербертовских мыслей, так как, по-моему, они с исключительной силой вписываются в поток размышлений о том, что такое современный человек.

В заключение я хотел бы обратить внимание на русскую литературу на страницах польской периодики. В воскрес-

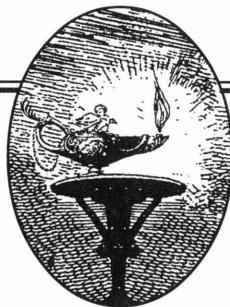
ном приложении «Плюс-минус» (1999, №41) к варшавской газете «Жечпостоли-та» мы находим рассказ Фазиля Искандера «Жили-были дед да баба» в прекрасном переводе Натальи Ворошильской. Сентябрьский-октябрьский номер краковской «Декады литеракцкой» (1999, №9/10) полностью посвящен современной русской словесности. Он открывается статьей Януша Свежего «Новейшая русская литература в Польше: кое-что мы знаем, но по-прежнему мало», где говорится, что «наше понятие о современной [русской] литературе несколько несовременно: о новых поколениях русских писателей мы в лучшем случае знаем понапытке, так как просто-напросто не располагаем переводами». Следует опасаться, что ввиду резкого падения интереса к изучению русского языка (до недавних времен обязательному) это положение в будущем может только ухудшиться. Пока что порадуемся тому, что польский читатель может прочесть в «Декаде» произведения Людмилы Петрушевской, Виктора Ерофеева, Юрия Буйды, Игоря Клеха, Александра Кушнера, Елены Твердисловой, Валерии Нарбиковой, Юнны Мориц, Вячеслава Курицына, Татьяны Толстой, Лидии Чуковской, Алексея Пурина, Виктора Пелевина, Генриха Сапгира, Ольги Седаковой и Вячеслава Пъецуха. В эссе «Литература ускоренного развития» Анна Скотницкая-Май развертывает интересную панораму писательских поисков.

* Катастрофисты — литературное течение в Польше конца 1930-х, к которому, в частности, принадлежали поэты Юзеф Чехович и молодой Чеслав Милош. — Пер.

** По-видимому, от латинского слова *silva* — лес. — Пер.

Янина Куманецкая

Хроника культурной жизни

Янина Куманецкая

ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

❖ По приглашению министра культуры и искусства в середине сентября в Польше побывала группа известных переводчиков польской литературы на русский язык. Встреча должна была помочь оживлению связей между польскими издателями и знакомыми польской и русской литературы, преодолению травм, обращению к достохвальным традициям солидарности и дружбы времен подпольного издательского дела в Польше и самиздата в России, взаимному информированию знаний о литературных фактах, заслуживающих, чтобы познакомить с ними соседей. В группе из 16 человек были также сотрудники «Новой Польши», переводчики, давшие произведениям польской литературы жизнь на русском языке, как, например, автор новейшего перевода «Пана Тадеуша» Святослав Свяцкий или переводчик Лема Константина Душенко, а также переводчик и издатель Андрей Базилевский. Хотя у польской литературы много замечательных «послов» в России, а цензура больше не действует, ее место заняли коммерческие соображения, жертвой которых оказывается и польская литература. Нечто подобное происходило в начале 90-х и в Польше. Сейчас, к счастью, положение у нас меняется, и русская литература вновь занимает свое место на книжном рынке.

❖ Октябрь и ноябрь — сезон литературных премий в Польше. Самая престижная из них, премия «Нике», присуждаемая в первую неделю октября, досталась в этом году Станиславу Баранчаку за книгу стихотворений «Хирургическая точность». Жюри

под председательством Яна Блонского выбрало его среди семи финалистов (кроме Баранчака, в этом списке были Ежи Пильх, Рышард Пшибыльский, Тадеуш Ружевич, Ольга Токарчук, Магдалена Тулли, Адам Загаевский). Некоторые сомнения вызвало то, что премия не досталась Тадеушу Ружевичу. Лаконично это выразил на следующий день после решения жюри Чеслав Милош: «Я рад, что премию «Нике» получил Станислав Баранчак, но я надеялся, что ее получит Тадеуш Ружевич». В некотором смысле повторилась прошлогодняя ситуация, когда лауреатом «Нике» стал сам Милош. Уже третий раз Ружевич остается без самой ныне престижной польской литературной премии. Это, однако, не влияет на интенсивность работы Ружевича, который в этом году выпустил новую книгу стихов «Мать уходит» и снова будет самым серьезным кандидатом на «Нике» будущего года. Пока что он получил другую важную литературную премию, присужденную в связи с пятидесятилетием журнала «Нове ксёнжки» («Новые книги»). В речи в честь лауреата Петр Лущекевич сказал, в частности, что «Ружевич по-прежнему остается великим мастером сосредоточенного слова, неустанно мобилизующим нас интеллектуально».

❖ Во второй половине ноября присуждает свои премии Союз драматургов и театральных композиторов. В этом году за творчество в целом награжден Юзеф Хен, писатель, сценарист, режиссер. Присуждая премию, жюри подчеркнуло прежде всего значение его последнего труда — биографиче-

ского повествования о Тадеуше Бое-Желенском. Сам автор объясняет, что у Боя много общего с героем его предшествующей биографии — французским философом XVI века Мишелем Монтенем. Их объединяет рационалистическое отношение к действительности и смелость, с какой они противостояли предрассудкам своей эпохи.

❖ Премию сезона издателей и книготорговцев «Икар-99» получил Рышард Капусцинский за «Черное дерево», премию им. Костельских, которой награждают писателей младше 40 лет, — эссеист Аркадиуш Пахольский и прозаик Адам Видеман (оба — за творчество в целом). Премию за лучший фантастический роман получил Рафал Земкевич за «Вальс века», где он иронически подводит итоги кончающемуся столетию, а за рассказ («А уж как он ее любил, страшно сказать») — Анна Бжезинская. Бжезинская, дебютантка этого года, по образованию историк-медиевист, умело разыгрывает тему любовной магии.

❖ Осенний номер «Зешитов литерацких» («Литературных тетрадей») посвящен Збигневу Херберту. В бумагах, оставшихся после смерти писателя, его жена нашла немало нигде до сих пор не печатавшихся стихов и миниатюр в прозе. Напечатанные в «Зешитах», они были также представлены на посвященном Херберту вечере в Национальном театре, еще раз возвращая живым замечательного поэта.

❖ Воистину производит впечатление неустанно творчески деятельный Чеслав Милош. Издав несколько книг эссе и воспоминаний, среди которых «Придорожная собачонка», удостоенная прошлогодней премии «Ника», недавно он опубликовал «Экспедицию в двадцатилетие». Здесь он выполняет

работу историка-документалиста и комментатора истории Польши между двумя войнами, истории Второй Речи Посполитой, показанной в свете весьма любопытных текстов, ныне известных только узким специалистам. Авторитет Милоша и его литературный талант могут заставить тех, кто не помнит этой эпохи, посмотреть на нее иначе, без нынешних исключительно апологетических тенденций. «Традиция — это значит дать слово нашим умершим. Это значит отказаться от гегемонии наглой олигархии тех, на чьей стороне выпавшая им возможность жить здесь и сейчас», — пишет Милош. Тем временем Выдавництво литерацке (Литературное издательство) объявило о выходе в свет 40-томного полного собрания сочинений Чеслава Милоша, рекламируемого как величайшее издательское событие XX века в Польше.

❖ Милош знакомит нас с историей — другие тоже много пишут о прошлом. В Польше не прожить без истории. Назовем здесь всего три книги, формирующие картину не только прошлого, но и настоящего. Одна из важнейших фигур польской политической жизни — Ян Новак-Езёранский, во время войны офицер Армии Крайовой, потом директор польской секции радио «Свободная Европа», ныне публицист и комментатор сегодняшней действительности, человек, пользующийся огромным авторитетом. Его «Польша вчера, сегодня, завтра» — очередной том заметок о самых животрепещущих проблемах Польши и ее отношений с внешним миром. В одной из них Новак-Езеранский писал: «В 1999 году мы будем праздновать первое десятилетие независимой и демократической Третьей Речи Посполитой. Достижения этого десятилетия внушительны — как во внешней политике, так и во внутреннем развитии страны. Это заслуга не

столько сменявших друг друга правительства, сколько прежде всего дарований и жизнеспособности самого общества». Почти одновременно с томиком публицистики Яна Новака вышло «Тайное государство» другого героя подпольной Польши Яна Карского, изданное по-польски через 50 лет после появления первого, английского издания. Ян Карский и Ян Новак-Езёранский живут за границей, хотя Новак в последнее время проводит в Польше не меньше времени, чем в своем доме под Вашингтоном. Третий из героев польского подпольного государства времен немецкой оккупации живет и всегда жил в Польше. Речь идет, разумеется, о Владиславе Бартошевском. Подготовленная Анджеем Кунертом и выпущенная издательством «Ритм» книга «Владислав Бартошевский. Жизнь и творчество» — хвала, возданная выдающемуся человеку, и вместе с тем картина истории Польши последних десятилетий на фоне его жизни.

Событием, которое за последнее время произвело в Польше больше всего волнений, была премьера «Пана Тадеуша», фильма Анджея Вайды по эпической поэме Адама Мицкевича. 18 октября одновременно в Большом театре и Зале съездов, двух самых больших залах Варшавы, показали фильм, которого ждали все — от специалистов, кинематографистов и историков литературы, до школьников, которые надеялись благодаря фильму увильнуть от утомительного чтения. Хотя фильм пользуется огромным успехом и в Польше его уже посмотрело несколько миллионов зрителей, после первого очарования многие испытали нечто вроде разочарования. Критикам недоставало красоты поэтических описаний, а детишки обнаружили, что фильм, конечно, «самое то», но чтения им не заменит... Ну и слава Богу! «Пан Тадеуш» отодвинул на второй план эк-

ранизацию романа Сенкевича «Огнем и мечом» (реж. Ежи Хоффман), предыдущий «хит» польского проката, и был выдвинут на «Оскара». Это решение властей польской кинематографии опять-таки вызвало много разноречий — вся Польша сомневается, сможет ли что-то понять во всей этой истории заграничный кинозритель. Может быть, мы еще раз ошибаемся (как это было со «Свадьбой» того же Вайды), и заграничный зритель как раз поймет неплохо, хотя и не обязательно то же самое, что польский. Но это уже нормальные зигзаги судьбы.

За широчайшей рекламной кампанией, предшествовавшей «Пану Тадеушу», а до него «Огнем и мечом», прошел почти незамеченным ежегодный Фестиваль польского кино, проходящий в начале ноября в Гдыне. Фестиваль не пользовался успехом у прессы, но никого не удивила его главная премия — «Золотые львы», присужденная «Долгу» Кшиштофа Краузе. Сюжет фильма основан на действительном происшествии, несколько лет назад потрясшем поляков, но чуть иначе расставляет ударения. «Это, — как пишет Збигнев Петрасик в «Политике», — современная драма из жизни молодой польской интеллигенции. Кшиштоф Краузе показывает наших первопроходцев капитализма, которые убивают гангстера-шантажиста, выходя за рамки необходимой обороны. Однако зритель им сочувствует». Мерой таланта Краузе пусть послужит тот факт, что даже две суперпродукции не заслонили его фильма. Все показывает, что польское кино может пока что оптимистически смотреть в будущее (затраты на «Огнем и мечом» уже окупились, скоро должны вернуть свои деньги и продюсеры «Пана Тадеуша»). К тому же все позволяет надеяться, что скоро будет утверждена реформа кинематографии, гаран-

тирующая новые способы финансирования отечественной продукции.

♫ В середине октября начался пиковый период Международного Шопеновского года. Концерты всемирно известных исполнителей, музыковедческая сессия в Королевском замке в Варшаве, многочисленные выставки и издания завершили празднование 150-летия со дня смерти композитора.

♫ В сентябре на эстрадах концертных залов, в театрах и костелах царила «Варшавская осень» — фестиваль современной музыки. Организаторы подготовили нам, как пишет рецензент «Газеты выборчей», обширный обзор достижений авангарда XX века. Из ключевых имен современной музыки звучали Берио, Булез, Лахерман и Лигети, из польских композиторов — Витольд Шалёнек и Богуслав Шеффер с учениками. Событием стала на фестивале новейшая опера Дэвида Эшли «Прах». Однако бегство публики из зала свидетельствовало, что это сочинение не встретило понимания.

♫ Огромную аудиторию собрало совместное выступление Горана Бреговича и звезды польской эстрадной песни Кайи на варшавском ипподроме Служевец, приуроченное к выходу в Польше их альбома. Хотя зрители находились не в самых лучших условиях, на концерте удалось сохранить спокойствие и порядок, что, может быть, побудит «мирных» поклонников музыки участвовать и в других мероприятиях такого рода.

♫ Кайя и Брегович до сих пор не могли рассчитывать на такую популярность. Однако публика иногда поражает. Вот еще один поразительный факт. Приближающийся конец года провоцирует на всяческое подбивание итогов. Этм занялся и еженедельник «По-

литика» в анкете о лучших — точнее, самых популярных — программах малого экрана. К невероятному удивлению как организаторов анкеты, так и читателей, на первых местах оказались создатели программ скорее элитарных, не бьющихся за пальму первенства у широкой публики. Победителями оказались Войцех Манн и Кшиштоф Матерна, авторы умной сатирической программы, продолжающей традиции легендарного «Кабаре пожилых господ» и стилистически резко отличающейся от телевизионных игр и «ток-шоу», на которые делают ставку директора и продюсеры телевидения. Разумеется, высокие места в списке заняли и сами «старшие господа» — Еремий Пшибора и Ежи Васовский, из телевизионного кабаре 60-х годов. В верхушке списка оказалась и Богуслав Волошанский, автор исторической программы «Сенсации XX века», рассказывающей о нерешенных проблемах новейшей истории, — так еще раз подтверждается мнение, что нет Польши без истории. И наконец, может быть, величайшей неожиданностью было третье место, занятое «Понедельничным телевизионным театром», который, несмотря на то, что собирает всего 3% телезрителей, представляет собой самый престижный театр в Польше с самым большим числом зрителей. Пусть эти результаты позволят нам оптимистически смотреть не только в XXI век, но и в третье тысячелетие. Выигрывают те, кто делает ставку на интеллект зрителя и слушателя, проигрывают поборники примитивности и халтуры.

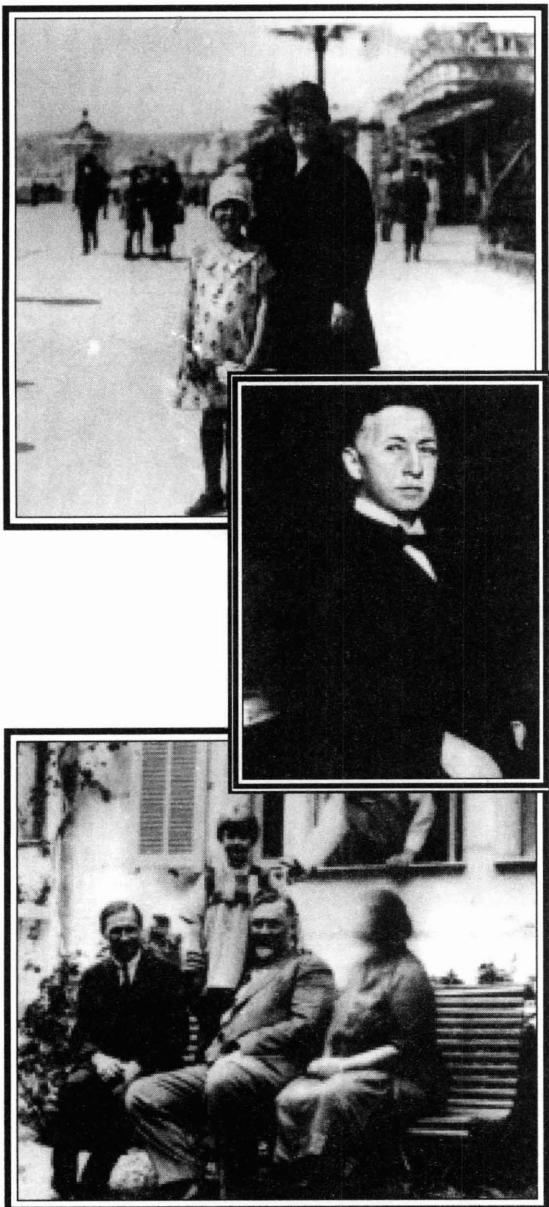
Лариса Зайончковская-Мицнер

Еще о Бунине

Лариса
Зайончковская-Мицнер

ЕЩЕ О БУНИНЕ

Лариса Зайончковская-Мицнер – журналистка, автор беллетристических повестей, написанных под псевдонимом Барбара Гордон. Родилась в Киеве в 1918 году, умерла в Варшаве в 1987 году. Детство она провела во Франции и в Подзи. До войны училась в Варшаве на факультетах польской филологии и журналистики.

Она издала двадцать повестей, в частности «Разбитое гнездо», «Когда вернешься», «Я пишу тебе», «Неуловимый», издала несколько пьес беллетристического характера и стихов.

Занималась также переводами, в основном переводила русскую литературу, в частности «Крутой маршрут» Евгении Гинзбург, стихи и песни Александра Галича.

Ниже публикуем фрагмент неопубликованных воспоминаний под названием «Без сожаления туда войду...».

Петр Мицнер

На фотографиях:

Лариса Зайончковская-Мицнер с бабушкой Ларисой Михельсон в Жуан-ле-Пинс на юге Франции, 1925 год.

Иван Бунин, Париж, 1930 год.

Лариса Зайончковская-Мицнер в кругу родных и знакомых, пансион «Хризантема».

Весной 1925 года я заболела скарлатиной. После нее начались какие-то осложнения, и врач предписал перемену климата. А так как мой отец был в то время хорошо обеспеченным человеком, он мог выслать меня с бабушкой на юг Франции в Жуан-ле-Пинс. Тогда это еще не был модный курорт, а тихая рыбацкая деревня.

Мы поселились в скромном и недорогом пансионе санаторного типа «Хризантема», которым заведовали доктор Винтерфельд и его прелестная жена Лариса, русские люди, что было очень важно, так как бабушка плохо знала французский язык. Зимой милейший доктор переселял своих гостей в Ниццу в пансионат «Отель Бреа». Под его опекой я провела во Франции два года. Время от времени к нам приезжала моя мама. Отец появился лишь в июле 1926 года, так что все это время я общалась только по-русски и по-французски.

По Франции мы не путешествовали, (лишь один раз в январе 1926 года мы поехали в Италию, в Венецию), но кроме Жуан-ле-Пинса и Ниццы я узнала еще одно чудесное место. Не помню, как называлось то поселение, но в памяти сохранилась его атмосфера. Там жили казаки одного отряда, которые вместе со своим командиром покинули Россию. Они организовали что-то наподобие хутора или сельской коммуны и выращивали чудные апельсиновые рощи.

Как только начиналась жара, из душного Парижа в «Хризантему» гурьбой съезжались русские писатели, журналисты, артисты, пребывающие в

эмиграции во Франции. После стольких лет мне тяжело припомнить все фамилии, хотя память сохранила их лица, а альбомы — многочисленные фотографии. Без всякого сомнения, были среди них писатель и журналист Михаил Оссоргин, влюбленный в мою бабушку; Богуславский, великан и толстяк, — редактор русскоязычной парижской газеты; семейства Кропоткиных и Грибовых, а также известная фельетонистка Тэффи. К группке парижской эмигрантской богемы в то лето присоединился также Иван Бунин.

В немного запущенном и заросшем садике, где росли мимозы, японские вишни, старое фиғовое дерево, несколько итальянских сосен и высокий кедр, роняющий аппетитные орешки, по полудню, когда уже никто не шел на узкий пляж, Бунин иногда рассказывал мне сказки. Он также подарил мне книжку Ивана Пуни «Сказки-минутки».

7 августа 1925 года в день моего рождения я получила письмо, написанное на пишущей машинке. Его автором оказался Иван Бунин, а я, совсем не разбираясь в литературных делах, была больше горда тем, что письмо было адресовано лично мне — Ларисе Петровне Зайончковской и что было отпечатано на машинке, чем тем, что именно Бунин посвятил его мне. Наверное, это было вообще первое письмо в моей тогда еще недолгой жизни. Вот как звучало поздравление:

Нынче утром, пока все спали
Я гулял. Какое наслажденье!
Мушки, бабочки громко болтали,
Что сегодня Лялечки рожденье.

И еще кричали: «Всем известно,
Что Ляля до вкусного падка

Позовет ли она (вот интересно!)
И нас покушать сладко?».

И узнав, что мы живем вместе,
Мушки, бабочки меня умоляли
Передать безо всякой лести
Их приветствие милой Ляле.

Я читаю этот текст, напечатанный красным шрифтом на маленьком письменном бланке голубого цвета с перфорированными краями, какими пользовались на пневматической почте в Париже.

В конце августа того же года в «Хризантему» приехала из России на лечение Мария Лилина, жена Константина Станиславского, с сыном Сергеем. Она подружилась с бабушкой и была очень добра ко мне. Я до сих пор поддерживаю сердечную дружбу с ее внучкой Кириллой. Лилина даже устраивала репетиции с моим участием.

Она научила меня читать наизусть весь текст «Птицы счастья» Метерлинка. В полумраке опущенных жалюзи мы по очереди разыгрывали роли всех персонажей. Мне кажется, что ей это было необходимо для работы над пьесой, входящей в обязательный репертуар МХАТа. Она проводила эксперимент, основанный на столкновении содержания пьесы с сознанием ребенка. Лилина хотела, чтобы я стала актрисой. Она говорила, что заберет меня в Москву в театр. Однако отец, хорошо зная закулисную жизнь, решительно тому воспротивился.

В сентябре 1925 года я получила от нее книжечку – сказку Шарля Перро о спящей царевне с подписью: «На память от “второй мамы”». А зимою следующего года она преподнесла мне французское издание книги «Птица счастья», в которой также написала пару теплых слов.

Обе книжки, к счастью, уцелели. Хотя «Птицу счастья» во время Варшавского восстания прострелили, но не на вылет. Пуля прошила всего лишь несколько страниц и засела в толстом томе.

Подготовил к печати Петр Митцнер